

Вера Мосова

Суженый
мой,
ряженный

Вера Мосова

Суженый мой, ряженный

«Издательские решения»

Мосова В. Е.

Суженый мой, ряженный / В. Е. Мосова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-834823-5

Роман «Суженый мой, ряженный» — третья, заключительная часть уральской саги. Книга завершает повествование о семье Беловых, знакомой читателю по романам «Не шей ты мне, матушка, красный сарафан» и «Ходила младёшенька по борочку». Действие нового романа переносится в 90-е годы XIX века. Внуки Анфисы и Прохора ищут свою судьбу так же, как когда-то их родители. Они любят и ненавидят, ошибаются и страдают, постигая простые житейские истины.

ISBN 978-5-44-834823-5

© Мосова В. Е.

© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	14
Глава 4	18
Глава 5	22
Глава 6	26
Глава 7	30
Глава 8	34
Глава 9	37
Глава 10	41
Глава 11	45
Глава 12	49
Глава 13	53
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Суженый мой, ряженный

Вера Мосова

© Вера Мосова, 2016

© Мария Лебедева, иллюстрации, 2016

ISBN 978-5-4483-4823-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Тёплым июньским деньком неспешно идёт Анфиса по заводскому кладбищу. Чёрный платок надвинут на глаза, губы сложены в скорбную складку, в одной руке она держит небольшой узелок, другой опирается на палку. Неожиданно с молодой берёзки сорвалась встревоженная её приближением стайка ворон, и хлопанье множества крыльев всколыхнуло кладбищенскую тишину. Женщина долго провожает птиц взглядом. Что-то зловещее видится ей в их чёрных силуэтах. Щуря глаза на солнце, Анфиса едва заметно усмехается – как же она похожа на этих птиц своим траурным облачением. Только взлететь ей не дано, а так хочется вспорхнуть легко и вольно, да и умчаться прочь от дикой боли и тоски, что поселились в сердце. Душа её плачет и рвётся к незабвенному Прошеньке, который ушёл в мир иной ясным апрельским днём под звон капли и вешний гомон птиц. На глазах у неё и умер. Теперь Анфиса при первой же возможности спешит сюда, на заводское кладбище, словно ждёт он её тут и тревожится.

– Вот, Проша, и пришла я опять к тебе, – говорит она, остановившись возле ещё свежей могилки.

Постояв немного в молчании, вздыхает, развязывает узелок, кладёт две творожные шаньги перед большим деревянным крестом, высыпает на могилу горсть крупы и смахивает наворачнувшиеся слёзы.

– Как ты тут без меня? – продолжает она свой неспешный разговор с мужем, усаживаясь на скамейку. – У нас всё в порядке, слава Богу. Отсеялись, огород засадили. Всё идёт своим чередом, только тебя нет...

Она всхлипывает и утирает глаза. Долго сидит молча, потом вновь обращается к мужу:

– Плохо мне без тебя, Прошенька! Ой, как плохо! Такая пустота в избе... И в душе тоже пустота. Словно ушёл ты и душу мою с собой унёс. Всё во мне умерло... Ничего больше не радует... Забрал бы ты меня к себе, родной... Зачем мне жизнь-то, коли нет тебя рядом?

Анфиса снова замолкает и закрывает глаза, вся погрузившись в себя, в своё горе.

Многое хочется рассказать про теперешнюю-то жизнь, про детей, про внуков. Да он, поди, и сам всё знает. Видит сверху-то, чай, как они тут живут без него. Знает, что Иван взял в свои руки всё хозяйство, спокойно и уверенно управляет с делами. И сыновья ему хорошо помогают, особенно Степан. Пятнадцать нынче парню минуло, шестнадцатый год пошёл. Глазом моргнуть не успеешь, как уже и жениться пора придёт. А там и Сашок подрастёт. Ой, бежит времечко, торопится! Уже и Ася невеста, семнадцать ей, а никто не сватается. Ещё годок-другой в девках засидится, потом и вовсе не выдать будет. Давно ли сама-то Анфиса молодой была?! Давно ли с Прошей женихались?! А вот уже и нет его, да и ей немного осталось. Шесть десятков, почитай, она землю топчет. Пора и честь знать...

Долго сидит она так, в глубокой задумчивости, пока чья-то лёгкая рука не касается её плеча.

– Здравствуй, матушка, – говорит ей тихонько Маруся и усаживается рядом. – Здравствуй, батюшка, – продолжает она печально, обратя свой взор на могилку, – прости, что редко к тебе прихожу.

– Откуда же ты взялась-то? – удивлённо смотрит на дочь Анфиса.

– Да вот, решили мы тебя навестить, всей семьёй приехали, – обнимая матушку за плечи, говорит Маруся, – Иван сказал, что ты на кладбище отправилась, я и пошла следом.

– А ребята где же?

– Нюра сразу к Асе побежала, у них вои секреты. Тимофея с Никитой Стёпка на речку увёл. А Егор с Иваном, как всегда, разговоры сурьёзные завели, Тюша стол им накрыла.

Анфиса кивает головой.

– Надолго приехали-то? – интересуется мать.

– А пока не выгонишь! – улыбается Маруся.

– Ты всё посмеиваешься, – качает головой Анфиса. – Разве я когда выгоняла вас? Кабы вы насовсем домой вернулись, я бы только рада была. Тоскливо мне порой. Хорошо, хоть Ася подле меня каждый день топчется, по хозяйству помогает. Воды принесёт, полы помоеет, стирку быстренько провернёт. Добрая она у нас девка, заботливая. Мать-то её, Лукерья, такая же была – тихая, немногословная и работающая.

– Да, славная она была, наша Луша, – подхватила Маруся. – Частенько я её вспоминаю. Да и Тюша хороша. Кабы не она, так неизвестно, что с Иваном сейчас случилось бы.

– Да уж, неизвестно, – вздохнула Анфиса, вставая. – Пойдём-ка к дому, доченька, я уж давно тут сижу и не знаю, не ведаю, что гости там ко мне пожаловали. Вот так-то, Прошенька, – поклонилась она могиле, – пора мне. Но ты не скучай тут, я скоро опять к тебе приду.

Маруся с сочувствием смотрит на мать – подкосила её смерть тятеньки. Совсем сникла матушка, в старушку превратилась. Вот и спину едва разогнула, вставая со скамейки, и ходит уже с палочкой. Грустно Марусе от этих мыслей, но ничего не поделаешь. Пожалуй, надо погостить у неё подольше, а то так мало они видятся, живя почти за двести вёрст друг от друга. Пусть матушке полегче станет, да и Марусю, может, отпустит это щемящее чувство вины перед оставленными вдали родителями. Тятенька-то ушёл уже, и не воротишь время вспять, не поговоришь теперь с ним, так хоть с матушкой наговориться вволю, хоть немножечко обогреть её.

Всю дорогу до дома Анфиса пыталась дочь про жизнь её городскую, про Нюру, про Василия. И Маруся подробно отвечала на её вопросы. У Нюры всё хорошо. Старшие её дети – Ваня и Варя – гимназии нынче окончили. Варвара совсем красавицей стала. И, похоже, по осени замуж выйдет. Арсений Никонов ухаживает за нею, сынок того банкира, с которым Павел Иванович с давних пор дружбу водит. Парень неплохой, воспитанный. Родители – и те, и другие – довольны, что так удачно всё складывается, и потихоньку готовятся к свадьбе. Ваня собирается учиться дальше, готовится в университет поступать. Павел Иванович очень уж желает, чтобы парень непременно достиг каких-то высот. Фису с Прошей тоже в учёбу определили. В общем, они же благородного происхождения, и все обязательно выучены будут. И у Василия с Любой всё в порядке. Филя, старший их сынок, с Нюриным Прошей дружит, они ровесники, да и учатся вместе в мужской гимназии, в одном классе. К девчонкам учителя приходят. Музыка, танцы и французский язык. Это Любаша у Нюры переняла, сама ведь тоже всему обучалась, когда жила у них.

Анфиса слушает и кивает головой. Коли у детей всё в порядке, то и душа у матери на месте. Она долго молилась, чтоб Василий одумался да в родные места вернулся. Вот Господь и наставил его на правильный путь. Пожил он немного в дедовом-то имении, помаялся там от безделья и решил возвращаться. Зря что ль его горнозаводскому-то делу обучали? Любит он свою работу, не может без неё. Продал сынок свой столичный особняк, да и подался к сёстрам, в Екатеринбург. Домой-то уж не захотел. А Анфиса и тому рада, всё не за тридевять земель. Купил он в городе дом, большой, богатый. Комнат много. А как же иначе, если семья у него растёт, как на дрожжах?! В тот же год, как обвенчались, родила Любаша дочку в конце сентября. А по святцам как раз Вера, Надежда, Любовь и мать их Софья. Назвали Верой. Ещё через год, опять же в сентябре, родилась Надежда. Все уже решили, что теперь непременно Софья должна быть, подшучивали над ними. Но следующей осенью родился сынок, Петром назвали. Ему нынче уже три года исполняется, Надюшке – четыре, а Верочке – пять. Вот ведь как расстарались – пятеро детей! Больше всех. У Нюры и Ивана – по четверо, а у Маруси – трое. Всех переплюнул младшенький-то сынок! Конечно, Любаше одной не управиться с такой семьёй, так что в доме у них прислуга живёт – и нянька, и кухарка, и горничная. И дом богатый, ничего не скажешь. Анфиса с Прохором ездили однажды их навестить, как раз, когда Петруша народился. Отец остался доволен, понравилось ему у сына. А на обратном пути вдруг высказался:

– Хорошие у нас с тобой парни выросли, Фисушка! Не стыдно за них перед людьми! И девки хороши! А внучат-то сколько народилось! Уже шестнадцать! Вот оно, богатство-то! Род наш продолжается! Я-то один у отца был, а сейчас, гляди-ко, как семья растёт. Оттого и на душе тепло.

При этих мыслях Анфисина печаль немного отступила. Отмякла душа, расслабилась, тихой радостью наполнилась, слегка потеснив глухую скорбь. Да и как не порадоваться – дочка приехала. Вот она, идёт рядом, под руку её поддерживает. Сейчас и дом старый оживёт, наполнится голосами внучат. Правда, детки-то у Маруси уже взрослые, так помощники будут опять же. Впереди страда, а в эту пору лишние руки не помеха.

Да, жизнь продолжается. И живым надо жить. Старая присказка, конечно, но очень правильная. Вон она, жизнь-то, так и прёт отовсюду, так и напоминает о себе – и лёгким ветерком, и солнечным теплом, и зеленью свежей травы подле старых изб. За шаткой изгородью разлёгся поросёнок, похрюкивает, радуясь солнышку, и смотрит на мир своими глазками-бусинками. Хорошо ему, привольно, лежит себе и жизнью наслаждается. Куры пурхаются в тёплой пыли, квохчут о чём-то своём и не глядят на красавца-петуха, важно шагающего рядом. А он косит на них глазом, выбирая себе достойную партию. Всё кругом живёт и радуется жизни. Вот и Анфиса постепенно приспособится жить без дорогого сердцу человека.

Мать с дочерью уже повернули на свою улицу, когда их настигли трое парней. Анфиса не сразу и поняла, что это Марусины сыновья со Стёпкой возвращаются с реки, такие они большие выросли.

– Доброго здравия, бабушка! – приветствовали её ребята.

– Здравствуйте, родные мои! И не узнать вас! Какие вы красавцы стали! – всплеснула она руками.

А они и в самом деле все как на подбор. К тому, что Стёпка уже вполне взрослый парень, она привыкла, он-то всегда на глазах, а вот Марусины сыновья вызвали у Анфисы удивление. Она шла и невольно разглядывала их. Тимофей очень похож на Сану: лицо круглое, как у отца, нос картошечкой, глаза серовато-зелёные и очень доверчивые. Но Анфиса знает, что добродушие это и доверчивость – лишь внешняя сторона. На самом деле парень не так прост, как это кажется на первый взгляд. Она давно заметила, что Тимоха может быть таким же дерзким, какой была Маруся в его годы. Это у них от Прохора. Сано-то слабоват будет, не в него сын пошёл, хотя и похож с виду. И фигуру отцову унаследовал, весь такой крепкий, коренастый. Никита другой. Он даже ростом чуть выше своего старшего брата. Стройный и гибкий, как Егор. Нос прямой, как у него, а глаза Марусины. Вот девичья присуха будет! Анфиса давно заподозрила, что не Санов он сын. В детстве-то сложно понять было, а теперь видно. Ох, и накуролесила доченька! Да что теперь вспоминать, всё в прошлом, главное – жизнь у неё сложилась хорошо. Повезло девке с Егором-то, а ведь всяко могло быть.

– Ну что, парни, соскучились по жизни деревенской? – спросила их бабушка.

– Ага! – вместе ответили Тимофей и Никита.

– Вот и хорошо! Завтра в лес пойдёте, веники берёзовые заготавливать пора, – распорядилась она.

– Я не умею, – смущённо проговорил Никита.

– А Стёпка-то на что? Он и научит! – продолжала Анфиса.

– Я умею! – подхватила Маруся. – С вами пойду, буду работу принимать. Никому спуску не дам!

– Правильно, ступай с ними, и девок возьмите с собой, пусть они земляники пособирают, – подхватила Анфиса. – Варенье сварим. Увезёте потом.

Приближаясь к родительской избе, Маруся с грустью отметила, что накренилась она слегка, хоть и крепкая с виду. Давно ведь ставили-то, в ту пору, когда покойный дед Степан молодым был. Сколько она ещё простоит?

– Ну, слава Богу, все вернулись! – встретила их у ворот Тюша. – А то разбрелись кто куда, а я тут переживаю.

– Да куда ж мы денемся? – проговорила Маруся, входя во двор.

И вдруг остановилась, словно остолбенев, – из конюшни вышел ...тятенька. Господи, да это же Иван! А ведь совсем как батюшка! Та же стать, тот же поворот головы. И движения, и походка – всё в нём напоминает отца. Раньше она и не замечала их сходства.

Анфиса молча смотрела на дочь, поняв всё без слов. Она и сама всякий раз вздрагивает при виде сына. Прохор, да и только!

Глава 2

Наутро большая компания из четырёх парней, двух девиц и тётушки Маруси отправилась в лес. Впереди с важным видом шагали Степан и его младший братец Сашка, они были в роли проводников, поскольку знали тут каждую тропинку. Сашка размахивал палкой, срубая головы полевым цветам, а Степан катил тележку для веников. За ними двигались гости – Тимофей с Никитой. У каждого в руках было по узелку, в которые бабушка Анфиса наложила пирожков да шанежек на всю ватагу. Позади них шла Маруся, оглядывая окрестности и наслаждаясь прогулкой по родным местам. А следом за ней – Ася и Марусина дочка Нюра. У каждой девицы в руках было по маленькой плетёной корзине для ягод. Маруся, увидав эти старые корзинки, сразу вспомнила, что именно с ними они с сестрой в детстве ходили в лес. И сплёл их дедушка Степан, а для ребятни уже прадедушка.

Ася его не помнила. Она была совсем малышкой, когда прадед помер. Но зато наслышана о нём. В семье часто поминали деда добрым словом, а младший брат её, Стёпка, гордился, что назван в честь прадеда. Вообще, у них в семье все названы в честь кого-то. Сама она – в честь теперешней мамы Тюши, они обе Анастасии. Дяди Васин сынок Филя – в честь какого-то своего прадедушки, тёти Нюрины Проша и Анфиса – в честь дедушки и бабушки. А тётушка Маруся назвала дочку именем своей сестрицы Нюры. Как будто других имён нет. Зачем нужно создавать такую путаницу? Ася для себя уже давно решила, что своим детям даст имена, каких в семье ещё нет. Правда, она до недавних пор не собиралась ни замуж идти, ни детей рожать. В монастырь податься хотела. А всё из-за сестрицы своей, Любаши. Как увидала она однажды дедов гнев на Любочку, так и бросилась к образам грех её замаливать. И решила тогда для себя, что не хочет она никаких соблазнов этой грешной жизни, чтоб никто из близких не мог гневаться на неё, лучше в монастырь уйдёт и всю жизнь станет Господу служить. И ведь ушла бы, кабы опять же не Любочка. Когда та родила своего младшенького, Петрушу, матушка отправила Асю в Екатеринбург, в помощь сестрице. Ася там почти всю зиму прожила. Научилась пеленать малыша, носила его на руках, если он плакал, пела ему колыбельные песни, когда-то слышанные от матушки, баюкавшей младших братьев. Она смотрела на Любашу, которая крутилась со своим большим семейством, не зная ни сна, ни отдыха, и вся при этом светилась от счастья. И поняла тогда Ася, что тоже хочет всё это испытать – выйти замуж, родить детей, кормить их грудью, целовать розовые пяточки и таять при этом от умиления. Только с замужеством что-то не получается. Не сватается к ней никто. Слишком долго жила она затворницей, не ходила на вечёрки, на гулянья молодёжные, на посиделки девичьи. Не хотелось ей прежде этого. До той поры, как она подружилась со своей городской сестрицей Нюрой, дочкой тётушки Маруси.

Прежде, когда Ася и Нюра были маленькими, они виделись редко. Но в пору Асиной жизни у Любаши сошлись более тесно. Василий с Любой поселились недалеко от Марусино дома, и Нюра часто прибегала к ним, ей тоже было интересно понынчить малышкой. В своей семье она была младшей, и ей этого не довелось. Тогда девицы и подружились. Они вместе играли с детками, много беседовали о том, о сём. Несмотря на то, что были они совершенно разными, сёстры очень привязались друг к дружке. С той поры Нюра каждое лето рвалась сюда, к своей заводской родне, а Ася часто гостила зимой в Екатеринбург.

Однажды, в очередной свой приезд, Ася сказала сестре:

– Всё, надоела эта путаница с именами! Я когда бабе Фисе про тебя чего-то рассказываю, она вечно переспрашивает, о ком это я – о тебе или о её дочери, тётушке Нюре. Когда твоя матушка зовёт тебя по имени, вы с тётушкой обе откликаетесь. Теперь буду звать тебя Анята! Нет, лучше просто Нюта!

Нюра рассмеялась, но возражать не стала. Постепенно с лёгкой Асиной руки и все стали кликать её Нютой. Разве что Маруся по-прежнему называла дочку Нюрой, для неё это имя было родным. Ася всей душой полюбила свою сродную* сестрицу. Живая и подвижная, Нюта заразила её жадой жизни, постепенно отодвигая подальше мысли о монашестве. А нынче, в Крещенский сочельник, произошло то, что окончательно разрушило её прежние намерения.

Ася с братьями в тот вечер отгребала снег у ворот, а он всё сыпал и сыпал. В свете луны снежинки сказочно кружились и мягко опускались на землю. Зрелище было завораживающим. Вдруг вдалеке послышались крики, звуки гармошки и звонкий смех, а вскоре из заулка появились ряженные. Они кричали, перебивая друг друга, громко смеялись, кто-то пел под гармошку, кто-то приплясывал на ходу, выделывая коленца. На одних были надеты самодельные медвежьи или козлиные личины, на других – шапки-малахаи, а иные рожи изукрашены сажей да помадою. Ребята прекратили работу, заглядевшись на эту весёлую процессию. Вот от толпы отделился наряженный в чёрта человек. Глаза озорно блестели на его чёрной рожице. Он направился прямо к Асе со словами:

– Отгадай загадку, девица-краса, а я тебя в награду поцелую! Вот скажи, что это – восемь ног, два хвоста, посередине гривенник!

Ася смущённо молчала и смотрела на него в изумлении.

– А не угадаешь – с нами пошагаешь! – усмехнулся чёрт и схватил её за руку.

На выручку пришёл Стёпка:

– Ась! Это две свиньи целуются!

Но парень уже тащил её за собой.

– Отпусти, я никуда не пойду! – сердито сказала Ася.

Ряженный быстро притянул её к себе, поцеловал в щёку, отстранился и бросился вслед за весёлой компанией. Девица стояла, словно громом поражённая. Она прикоснулась ладонью к щеке, ещё не веря в то, что произошло. Всё было так неожиданно. И лицо парня даже под слоем сажи показалось ей знакомым, во всяком случае, эти зелёные глаза кого-то ей напоминали. Перед сном она впервые загадала себе суженого-ряженого. И ей приснилось детство, рождественские славельщики перед дедовой избой и сама она, стоящая у ворот в накинутой на плечи шубейке. В руках она держит гостинцы. Вот от толпы отделяется мехоноша и шагает к ней. Девица кладёт угощение в его мешок, а парень смотрит на неё весело, и глаза его как будто смеются. А глаза-то зелёные! Ася тут же проснулась. Это он! Точно он! Этот парень уже не раз бывал тут. Ася не знает его имени, но лицо помнит. Он не местный, приезжает к кому-то в гости по праздникам.

С той поры девица стала чаще выходить за ворота, с удовольствием бежала с поручениями в лавку или на реку, но парень ей не встречался. Даже пару раз она посетила зимой девичьи супрядки**, поддавшись на уговоры подруги Даши. Но ухажёры, обычно навещавшие девиц к концу посиделок, её не особо примечали, да она и не ждала их внимания, ведь того, кто был ей нужен, там всё равно не было.

Наконец пути их пересеклись. Случилось это в масленицу на Катущечной улице. Ася с братьями отправилась кататься на санях с горы, поддавшись всеобщему веселью. А парень гулял там же в компании заводских ребят. В какой-то момент взгляды их встретились, и Ася поняла, что тот узнал её. От смущения она поспешила спрятаться в толпе, а потом и вовсе убежала домой. Сердце гулко колотилось. Это он! Её суженый-ряженный! Это он поцеловал её тогда, это он привиделся ей во сне!

– Ты куда пропала? – спросил Стёпка, вернувшись домой. – Мы с Сашкой тебя потеряли.

– Да, потеряли, – добавил младший брат, – а ещё тебя один парень спрашивал.

– Какой парень? – зардевшись, спросила Ася, хотя сама прекрасно знала, какой.

– Да родственник Сашки Семёнова, – отозвался Степан, он из Невьянского завода сюда приезжает, Данилом звать.

Так она узнала имя своего суженого.

А на Пасху Ася отправилась гулять на Вознесенскую горку, где собиралась молодёжь. Чужло её сердце, что приедет парень-то, не может не приехать. Она долго вертелась у зеркала, чем очень удивила матушку.

– Красавица ты у нас, Асенька, красавица писаная! – сказала та, вставая рядом с дочерью. – И правильно сделала, что сняла свои тёмные одежды. Сразу и личико посветлело, и глазки засияли. Гляди, как интересно вышло – глаза у тебя мои, серые, у Луши-то карие были. И кто скажет, что ты не моя дочь?

Ася прижалась к матушке:

– Твоя, конечно!

Та погладила её по голове.

– Давай, я тебе косу переплету! – и Тюша взялась за гребень. – И волосы у тебя цвет поменяли, какие-то соломенные стали, а в детстве были такие беленькие.

Потом Тюша достала из сундука красивую шаль и набросила дочери на плечи поверх жакетки. Ася невольно залюбовалась отражением в зеркале – уж очень шаль была хороша. На ней по серому фону были разбросаны красивые ярко-голубые цветы

– Глянь-ка, как к глазам твоим подходит! – всплеснула руками Тюша. – Тебя просто не узнать! Сегодня все парни твои будут!

И ведь как в воду глядела! Асино появление вызвало живой интерес ухажёров. Много восхищённых взглядов поймала она в тот день, кружась в хороводе. Но главное – она встрети-лась с ним! Данило сразу подошёл к ней, и всё время был рядом, а потом проводил до дома. Она трепетала от его голоса, смущённо отводила взгляд, встречаясь с его глазами, а сердце её так и прыгало в груди весёлой райской птичкой.

Ася узнала, что живёт Данило с отцом и матерью в Невьянском заводе, что есть у него две старшие сестры, но они уже замужние. Сам он бондарничает, у них с отцом своя мастер-ская. Их кадушки да ушаты пользуются большим спросом. А здесь у него живёт отцов брат, Григорий Иванович Семёнов, вот к нему Данила и ездит в гости, тем более, что они ровес-ники с Сашкой, дядькиным сыном, и сызмальства дружат. Ася сказала, что помнит, как он в детстве мехоношей был неоднократно. И парень сознался, что давно её заприметил и каждые святки приезжал специально, чтобы пойти славить к беловской избе и ещё раз увидеть краси-вую девочку, которая выносит им гостинцы. Ася засмушалась от такого признания.

Но с той поры они с Данилом не виделись. Понятно, что в мае у всех был сев, было много работы и в поле, и в огородах. Но сейчас-то стало посвободней. Уже Троица позади, Петров день приближается. Почему же он не объявляется? Ася всякий раз выглядывает в окно, чуть заслышав любые звуки, вздрагивает на каждый стук проезжающей мимо повозки и никак не может понять, что же случилось. Наверное, она ему просто не понравилась.

– Ась, ты о чём задумалась? – услышала она Нютин голос.

От неожиданности Ася вздрогнула.

– Его вспоминаешь, да? – шёпотом спросила Нюта.

– Кого его?

– Ну, того парня, про которого ты мне вчера рассказывала.

– А ты кого вспоминаешь? – улыбнулась Ася. – Тоже того, о ком мне рассказывала?

Девушки дружно рассмеялись, а идущая впереди них Маруся обернулась:

– Чего отстаёте, хохотушки?

Они тут же прибавили шаг.

Вскоре все остановились на поляне у большой берёзы. Парни со знанием дела начали ломать ветви, а девушки занялись сбором земляники, то углубляясь в лес, то снова выходя на поляну и весело перекликаясь при этом. А Маруся достала бечёвку и стала показывать сыно-

вьям, как правильно перевязывать веники, чтобы они не рассыпались в бане при первом же ударе.

* Србодная – двоюродная

**Супрядки – посиделки, вечеринки, на которых девушки совместно пряли

Глава 3

Егор вышел из тёщиной избы во двор, где хлопотал по хозяйству Иван, и невольно засмотрелся на шурина. Тот и впрямь очень походил на своего отца, не зря вчера Марусю это так потрясло. Помнится, тесть вот так же, в рубахе навывпуск, в жилетке поверх неё да в простецком картузе топтался во дворе, выполняя ежедневную работу. И сама фигура Ивана, и его движения, и чёрная борода с едва наметившейся проседью, и цепкий взгляд карих глаз – всё в нём напоминало Прохора Степановича.

– Может, помочь чем? – спросил Егор.

– Нет, я уже управился, – ответил хозяин. – Пойдём-ка лучше к нам, Тюша там пирогов напекла в честь дорогих гостей, звала чай пить.

Мужики направились в избу Ивана, стоящую на этом же подворье.

– Разговор у меня есть к тебе, – начал Егор, когда они уселись за стол перед большим медным самоваром. – Серьёзный. Я специально не пошёл со своими в лес, хотел поговорить, пока их нет.

Тюша, налив мужикам чая и порезав на куски большой пирог с квашеной капустой, удалилась в огород, чтоб не мешать им своим присутствием.

– Беда у нас со старшим, – вздохнув, заговорил Егор.

– С Тимохой что ли? – переспросил Иван.

– С ним, – кивнул гость, – связался он с дурной компанией. Приятель у него новый появился, сбивает парня с панталыку, в какой-то тайный кружок его водит. Вот наш-то наслушался там всякой ереси про бедных и богатых, про борьбу за правду и справедливость и младшему, Никите, голову дурить начал, дрянью этой забивать. Мир им, видите ли, переустроить надо! Потому и приехали мы сюда, чтоб от греха подальше увезти парня, пока большой беды не приключилось. Придётся разлучить братьев-то, так спокойнее будет. Мы с Никитой завтра домой вернёмся, нам работать надо, а Маруся с Тимофеем и Нютой тут останутся до конца лета. Так ты уж, Вань, если чего, по-родственному вправь ему мозги-то, коли станет он эту ересь нести. Маруся, конечно, глаз с него не спустит, но и ты будь начеку, помоги нам спасти парня. В работу впрягай, чтоб силушку расходовал на доброе дело, а не на глупости всякие. Пусть упакивается так, чтоб едва до подушки голову донести мог.

– Понял, Егор, понял, – ответил Иван. – Пригляжу, конечно. У нас тут тихо, нет ничего такого. А работу-то я ему завсегда придумаю, не беспокойся! Впереди покос, потом жатва. Не до глупостей будет. А коли девку какую приглядит, так и вовсе про свою борьбу забудет. Много у нас красавиц в околоте-то живёт, мигом окрутят!

– Да уж, пусть бы лучше по девкам бегал, чем всякой ерундой голову забивать, – согласился Егор. – Я хотел, было, к братьям его определить в кузницу, он уже неплохо справляется с нашим ремеслом, да только Сано ведь там. Не хочу, чтоб они лишний раз пересекались.

– Согласен, с Саном лучше не связываться. Пьёт он опять. Раньше-то хоть отца с матерью побаивался, сдерживался немного, а как померли они, ничего его уже не держит. Понеслась душа! И Танька ему не указ. Вроде, и баба боевая, а приструнить мужика не может.

Егор горестно кивнул. Жаль брата. Пропадает. И ничего тут не поделаешь. Сам виноват. Помолчали немного.

– Ладно, брат сам за себя отвечает, человек он взрослый. Хочет сгубить себя – пусть губит. А сыну я должен помочь. И помогу, не дам пропасть, – решительно сказал Егор.

– Наша-то тоже чудит, – подхватил Иван, – то в монашки собиралась, то передумала. Это хорошо, конечно, что передумала, так ведь замуж давно пора, восемнадцатый год уже идёт, скоро в старые девы запишут. Ладно, хоть нынче на гулянья выходить стала, а то затворницей жила. Прямо и не знаю, чего с этой девкой делать. Отдать бы за доброго парня, пока в подоле

не принесла, как Любана. Дурное-то дело нехитрое. Они ведь, молодые-то, из одной крайности в другую кидаются. Вот и не знаешь, чего от них ждать. Может, мне самому ей жениха-то приглядеть? Как ты думаешь?

– Коли никто ей не люб, то можно и самому приглядеть, а коли есть кто у неё на примете, тогда жизнь девке можешь поломать.

Иван вздохнул, вспомнив, как оженил его тятенька когда-то. Конечно, прав Егор, но всё равно надо что-то решать с Асей.

– Ладно, доживём до осени, может, кто и посватается, – заключил он. – Расскажи лучше, как вы там живёте, в вашем городе. Как с работой? Как Василко поживает? Часто видите? А у Нюры-то бываете?

Егор улыбнулся такому обилию вопросов и начал рассказывать:

– Всё у всех, слава Богу, неплохо. Павел Иванович пока работает, но всё поговаривает, что пора бы пойти в отставку. Только вот думаю я, что не усидит он без работы. Он у нас голова! За советом, за любым делом все к нему обращаемся. Никогда не откажет, и чем может, всегда поможет. Нам-то с Марусей он по первости шибко помог, и деньгами выручил, когда мы свой первый дом покупали. Вот и Василию теперь подсказал, в какой завод лучше пойти работать, и с начальством договорился. Повезло сестре твоей с мужем. Ценит он её и оберегает. А заодно и нас всех около себя держит. Говорит, что семья – это святое. Да и мы все к нему с уважением.

– Да, хороший он мужик. Любашу нашу приютил в своё время и помог ей очень, – согласился Иван. – Это да. Он такой. А ведь Нюра за него идти не хотела. Влюбилась она, помнится, в одного голодранца. И я поначалу сильно сочувствовал ей. Мне-то ведь тятенька тоже не дал жениться по своей воле. Вот и жалел я её. А оказалось, что это её судьба. Вот как в жизни-то бывает!

– У него своих-то родных никого не осталось, так он обо всех нас печётся. А детей своих как любит! Но строг с ними и требователен. За учёбу спрашивает серьёзно, сызмальства их обучает. Таким всякая дурь в голову не ползет, как Тимохе моему. Ивана-то, старшего, хочет дальше учиться отправить, в университет. Он парень толковый, весь в отца.

– Да уж, не чета нашим, – согласно кивнул Иван. – А ты-то сам как?

– Я в порядке. Работа есть, заказов хоть отбавляй. Из кузни почти не вылезаю, подручных больше не держу, теперь сыновья за них, оба уже неплохими кузнецами стали. Постепенно к ним дело отойдёт. Домашнее хозяйство, конечно, на Марусе. Она хорошо научилась прислугой командовать, и деньгам счёт вести умеет, – улыбнулся Егор.

– Повезло ей с тобой! – заключил Иван.

– Это мне с ней повезло!

– Правильно ты сделал, что увёл её от братца-то. Что бы за жизнь была у Маруси с этим непутёвым? А теперь гляжу на неё и радуюсь – какой она стала! Вот думал ли я прежде, что сестрицы мои младшие упорхнут так далеко, да ещё удачно устроятся в жизни?! Интересно она нами крутит, жизнь-то. Порой поставит на перепутье – выбирай, мол, человек, какой дорогой тебе идти. Вот этот-то выбор всю твою будущую жизнь и определяет. Пойди я в своё время против воли тятенькиной, выбери Алёнку, да убереги её от беды, совсем бы другим путём жизнь свою прошёл. И у Маруси с Нюрой могли бы быть сейчас иные судьбы. А может, и не могли бы. Ведёт ведь Господь-то нас к правильному выбору, подсказывает верный путь. Главное – услышать его вовремя. Вот я всё время о том размышляю – неспроста всё в нашей жизни.

– Может, и неспроста, – задумчиво ответил Егор. – Только я ведь тогда, увозя Марусю, совсем не был уверен, что смогу сделать её жизнь счастливой, знал только, что буду изо всех сил стараться ради неё. Очень уж я хотел быть с ней рядом.

– Кто чего-то сильно хочет, тому Господь это и даёт, – многозначительно произнёс Иван. – Главное – знать, чего ты хочешь, тогда оно и придёт к тебе. А коли живёт человек без

помыслов и устремлений, коптит себе небо потихоньку, как братец твой, например, то ничего он и не добьётся в жизни.

– Только братцу-то я крылья подрезал, вот ведь какое дело! – вздохнул Егор. – Виноват я перед ним.

– А вот это ты зря! – тут же возразил ему Иван. – Кабы был у него характер, так он назло вам с Маруськой вперёд бы пошёл. Напролом! А он не захотел. Стал пьянствовать да плакаться, так-то ему сподручнее. А потому и виноватых тут быть не может!

Егор помолчал. Прав Иван. Конечно, прав. Он и сам нередко говорил себе подобные слова. Но где-то в глубине его души всё равно жила вина перед братом.

– Интересный у нас разговор получается, – улыбнулся Иван. – Только неправильно мы его ведём. Кто ж за чаем-то о жизни рассуждает? Тут надо чего покрепче!

Он быстро спустился в голбец* и вскоре вылез с большой бутылкой:

– Вот теперь у нас с тобой правильный разговор пойдёт! Не так часто мы встречаемся, чтоб чаем обходиться! Бражка-то, она как раз для хорошей беседы предназначена.

Егор улыбнулся. Они только что осудили пьянство его младшего брата, а теперь и сами примутся за это же.

– Не ради пьянства, – сказал Иван, подняв наполненную кружку, – а всего лишь для душевной беседы.

А беседа и впрямь потекла намного душевней. Вспоминали давние годы, общих знакомых, забавные истории из детства. Ещё раз обсудили странные веяния молодёжи, готовой поменять всё жизненное устройство, которое складывалось веками. К обеду они уже были так хороши, что вернувшаяся из огорода Тюша невольно рассмеялась:

– Это ж надо такое придумать – с утра пьянку учинить!

Следом за ней пришла Анфиса, потерявшая, было, зятя.

– Ой-ё! – всплеснула она руками, глядя в довольные лица мужиков. – Никак напились? Вот греховодники-то! Пост Петровский, а они пьянствуют!

– Мы чуть-чуть! – попытался оправдаться Иван.

– Вот Маруся-то щас вернётся, дак устроит вам чуть-чуть! Вы её знаете! – не унималась Анфиса.

– Она может! – Егор поднял вверх палец. – Недавно на базаре одного мужика так отчитала, что он, бедный, уж и не знал, куда деваться. Они с дочкой на рынок ходили. Нюта шла впереди, а Маруся чуть приотсталла. И вот какой-то торгош, зазывая народ, схватил Нюту за руку. Ну, Маруся ему и устроила! Как он потом жалел об этом, как умолял о пощаде! И ведь, заметьте, она не кричала, не ругалась. Но так с ним поговорила, что он, бедный, чуть под прилавок не залез. А когда она околоточного позвала, мужик тот готов был даром ей весь товар отдать, только бы отступилась. Это мне дочка потом рассказывала, посмеялись мы с ней тогда.

Все улыбались, глядя на Егора.

– Молодец сестрица! Никому спуска не даст! – похвалил Иван.

– Пойдём-ка, зятёк, я тебя спать уложу, пока ребята не вернулись. Может, уже и протрезвеешь к их возвращению, не то придётся тебе самому от жены прятаться, как тому торговцу.

Егор согласно кивнул и пошёл за тещей.

Через какое-то время Степан с Тимофеем закатали во двор тележку, доверху наполненную берёзовыми вениками. Следом за ними шёл Сашка, неся несколько веников, связанных попарно и перекинутых через плечо. Маруся и Нюта держали в руках корзинки, полные земляники.

– А где же Ася? – с тревогой спросила вышедшая на крыльцо Тюша.

– А её там, у речки, какой-то кавалер поджидал, так она с ним осталась, обещалась скоро прийти, – ответила Маруся.

– Какой кавалер? – удивилась Тюша.

– Тебе лучше знать! – развела руки Маруся.

– Нюта! Ты знаешь про этого кавалера? – начала допрос Тюша, спускаясь с крыльца.

Нюта пожала плечами и бочком двинулась к бабушкиной избе.

– Стой! – закричала ей вслед Тюша. – Я вижу, что знаешь!

Но та уже юркнула на крылечко и скрылась за дверью.

– Тюша! Ты чего? – вскинула брови Маруся. – Она взрослая девица! Сейчас поговорит с парнем и придёт. Ничего с ней не случится!

– И правда, чего это я? – садясь на ступеньку, проговорила растерянная мать.

*Гóлбец – подполье (диал.)

Глава 4

Ася смотрит на Данилу и глазам своим не верит. Перед нею как будто другой человек. Ладонь левой руки перебинтована, только кончики пальцев торчат из-под повязки, на правой щеке не зажившие ещё следы ожогов, волосы из-под картуза совсем не видны. Тоже обгорели? Или коротко пострижены? Зелёные глаза стали другими, в глубине их засела боль. И сам он какой-то другой, пережитое как будто сделало его старше на годы. В первый момент, когда Данило окликнул Асю, девица даже не узнала его. А потом словно обожгло изнутри – Господи, что же с ним случилось?!

Они сидят на берегу реки, на выброшенной половодьем большой чёрной коряге.

– Неужели ты ничего не слыхала о пожаре? Уже почти месяц прошёл. И в газете, говорят, про него прописано было, в «Екатеринбургской неделе».

Ася пожимает плечами. Газет она не читает, никто их тут и не видит. Тётушка Маруся сказывала что-то бабушке Анфисе про сожжённые подворья, которые они видели, когда ехали сюда, но Ася и не прислушивалась к разговорам взрослых. До того ли ей было, коли Нюта приехала?! Видать, как раз про Невьянский завод и шла речь-то у них.

– Расскажи мне, что там было, – просит она, робко погладив его по перевязанной руке.

– Страшно было. Не приведи Господь пережить тебе такое. Никогда я ничего страшнее не видывал. Жар стоял жуткий, вздохнуть трудно было. Горело всё: дома, сараи, заборы. Мелкая животины, которая убежать не успела или заперта была, орала дико, охваченная огнём, крупный-то скот, слава Богу, на выпасе был. Многие люди, спасая своё добро, теряли жизни. А кто-то сразу понял, что бороться с огнём бесполезно, и убрался восвояси.

– А ты как же?

– А я всё потерял. И всех...

Он помолчал немного. Ася тоже молчала, понимая, как непросто Данилу говорить об этом.

– Я никогда не смогу забыть тот страшный день, – продолжил вдруг он. – В мае это было. Двадцать третьего. Мы с тятенькой работали в нашей мастерской и как раз вышли во двор перекурить. Было тепло и солнечно, к полудню подходило. Сидим на лавке, отец самокрутку свернул, затянулся и говорит вдруг, что жениться мне пора. Присмотрел, мол, он мне невесту хорошую, по осени сватов засылать собирается. А я ему и отвечаю, что есть у меня невеста, только в другом заводе живёт, вот туда и поедem свататься. Это я про тебя ему сказываю. Вижу, что не по нраву ему мои слова. Но ответить он не успел, тут в аккурат часы на башне завели свою мелодию. Полдень, стало быть. И только музыка отыграла, как забили в набатный колокол. Мы подхватились да за ворота выскочили. Видим – пожар недалеко от торговой площади, в посудной лавке и вокруг неё. Мы туда. Народ сбегается, все пытаются тушить. А ветер в это время усиливается, и пламя с бешеной скоростью скачет от одной постройки к другой. Перекинулось на избы. Да что там избы, каменные дома, и те горели. Началась паника, все кинулись спасать своё добро. На улицах суматоха, столпотворение. Из-за этого повозки с водой не могут приблизиться к горящим постройкам. А огонь, как демон какой, бежит стремительно и пожирает всё на своём пути. Воздух раскалился до невозможности. Представляешь, вспыхивает всё на глазах: дома, деревья, одежда на людях! Бросились мы с батей обратно к своей избе, а она уже полыхает вовсю, и матушки нигде не видать. В конце огорода вещи какие-то кучей свалены. Видимо, матушка их из избы натаскала туда. А самой-то её нет. Отец кличет её диким голосом и в огонь рвётся. Я едва его удерживаю. Он мне на амбар показывает, глянь, мол, нельзя ли ещё чего спасти. Я только повернулся к амбару-то, а батя уже в горящую избу кинулся, я мигом за ним. А тут кровля и рухнула. Я отскочить успел, а тятеньку на моих глазах накрыло. До сих пор в ушах стоит его страшный рёв. Вытащил я его из-под горящих-то

брёвен, сам весь обгорел, а он уже мёртв. Матушку и вовсе не нашёл. То ли сгорела в избе, то ли ещё где. Дальше плохо помню. Всё в каком-то тумане. Ужас охватил меня. Представь себе огненное море около версты длиной и не одну сотню сажень шириной. Кругом вопли, в воздухе летает пепел, по Нейве плывут обгоревшие вещи. Даже через пруд пламя перекинулось. Стремительно так. Сначала охватило разный скарб, вытащенный людьми на берег, потом с порывами ветра перекинулось на плоты и лодки, уплывающие прочь от огня, и мигом до другого берега долетело. И там тоже начали гореть дома. Всё это было так страшно, словно демон огненный прогневался за что-то на людей и готов уничтожить всё в один миг. Лишь к вечеру пожар начал стихать, подбедая остатки людского скарба. Осталось страшное пепелище. Больше тыщи дворов сгорело напрочь. Долго ещё головешки тлели. И те вещи, которые люди пытались спасти, вытаскивая их из изб, тоже все погорели. А людей-то сколько погибло – кто сгорел, кто в пруду потонул, не сумев доплыть до другого берега. А иные прятались в погребках, думали, что спасутся, там ведь холодно и сыро, особенно те, у кого ледники оборудованы, но и они погибли, задохнулись от жара и дыма.

Ася видела, с каким трудом даётся Данилу этот рассказ, и продолжала гладить его по руке, словно утешая.

– А сёстры твои как же? – спросила она.

– Живы сёстры. Старшая-то живёт в Быньговском заводе, а младшая с семьёй к ней в гости как раз уехала. Их изба-то тоже сгорела, да и добро всё огонь пожрал, так они решили там, у сестрицы, и поселиться, новую жизнь начинать. А я потом долго ещё наше пепелище разгребал. Ничего у меня не осталось. Гол как сокол. И матушку не нашёл... Ни в живых, ни в мёртвых. Приехал вот к родственникам. Хочу тут осесть. Дядька обещал помочь.

Ася невольно обрадовалась, что он теперь рядом жить станет, никуда не уедет больше. Но тут же мысленно попросила у Бога прощения за думы свои, за радость эту, ведь парня сюда привело великое горе.

– Видишь, как оно вышло, хотел жениться на тебе, а теперь ты за нищего-то и не пойдёшь, – печально проговорил он.

– А ты попробуй, позови, может, и пойду, – улыбнулась Ася, удивляясь сама себе.

– Ты-то, может, и пойдёшь, а вот тятенька твой едва ли захочет тебя за голодранца выдать.

– А вот сейчас мы у него и спросим! – сказала Ася и потянула парня за руку.

– Ты чего? – удивился он.

– А ничего! Ты хочешь на мне жениться?

– Хочу, конечно!

– Тогда пойдём!

В неё словно бес какой вселился. Девушка уверенно вела Данилу за собой.

Когда они вошли во двор, на крыльце стояла матушка и руководила сыновьями, которые развешивали на длинную жердь заготовленные веники.

– Нет, Степан, так не годится, раздвинь их немного, чтоб лучше сохли, – говорила она. – А ты, Сашок, с другой стороны их поправь. Жердь-то длинная, места хватит! Ещё двигай!

Она перевела удивлённый взгляд на вошедших, сразу смекнув, что это и есть тот самый кавалер, который задержал Асю. Только видок у него уж больно странный.

Парень поклонился Тюше.

– Это Данило, матушка! – бойко начала Ася. – И я нынче пойду за него замуж.

Тюша тут и села на ступеньку. Во даёт, девка! То в монастырь, то замуж. И главное, не спросясь родительского благословения.

– Давай, мы не будем спешить, – остановила её напор Тюша. – Отец сейчас спит, его лучше не тревожить. А вот вечером пусть Данило к нам придёт, как положено, и мы спокойно всё обсудим.

Парень смущённо топтался под пристальным взглядом Асиной матери. Не ожидал он от девицы такой прыти, а теперь и не знает, что делать.

Он откланялся и пошёл со двора. А Тюша обняла дочку за плечи и вывела её в огород. Уселись они на скамейку под черёмухой и начали свой душевный разговор. Тюша постаралась всё вызнать про парня, и Ася откровенно рассказала ей историю их давнего знакомства.

– А чего же он весь перевязанный, будто с войны вернулся?

– А вот это самое главное, из-за чего я готова хоть сейчас за него пойти. Помощь ему нужна и поддержка.

И Ася рассказала матушке про пожар в Невьянском заводе и гибель его родителей. Тюша что-то слышала в лавке про страшный тот пожар, ходили слухи-то в заводе, не без этого.

– Девонька ты моя, сердобольная ты моя, – обняла она дочку, – коли хочешь пойти за него только из жалости, из желания помочь, то это худая затея. Не забывай, что потом всю жизнь с ним прожить придётся. А жизнь-то, она долгая.

– Матушка, я не из жалости, я бы только за него и пошла, другой-то мне никто не нужен.

Тюша внимательно поглядела на дочь. А ведь и правда, влюбилась девка-то. Сама его привела сюда. Чего же делать-то теперь? И что Ваня скажет? Как-то бы подготовить его к встрече с женихом, а то, не ровён час, начнёт рубить с плеча. Надо же, как на грех, опять жених бездомный попался, всё повторяется, как когда-то со старшей дочерью. Отказывать парню не стоит, видно, что люб он девке. Но ему надо дать время, чтоб на ноги встал. Опять же, Любаше с Николкой тоже однажды дали время, так она чего натворила-то! Нет, надолго отодвигать свадьбу не следует. Пусть осенью женятся. Только как-то бы помочь им, чтоб и парня не обидеть, и дочь обеспечить. Надо Ивана будить да обсудить всё с ним.

Тут в огород прибежала Нюта, и Тюша отправилась домой.

– Давай рассказывай, чего там у вас? – тут же подступила она с расспросами к Асе. – Я видела, как ты его сюда приводила. Только не шибко он и красивый, я думала, побасе будет.

– Для тебя, может, и не хорош, а для меня красавец! – отрезала Ася.

– Ну, Ась, не сердись, расскажи, пошто он весь такой перебинтованный?

– Скажи, когда вы мимо Невьянского завода проезжали, ты что видела? – повернулась Ася лицом к сестре и взяла её за плечи.

– Ой, там жуть такая! Черным-черно, и башня возвышается. Наклонная. Ещё церковь недалеко от неё.

– И совсем нет домов?

– Есть, конечно, но в стороне. Там какой-то мужичок к нам подсел на станции, так он сказал, что уцелела только треть домов. А в самом-то центре погорело всё: винные склады, торговые ряды, волостное правление вместе со всеми документами.

– А почему ты мне не рассказала об этом?

– Дак, забыла я! Я и не думала, что для тебя это важно.

– Да как же неважно-то, коли Данило там живёт?! Я ведь потеряла его, ждала всё, думала, бросил он меня, не хочет больше видеть. А с ним, оказывается, беда такая приключилась!

И Ася рассказала подруге всё, что услышала от Данилы.

– Не расстраивайся, Асенька! Всё уже позади. Он приехал. Только зачем он тебе теперь? Ни кола, ни двора. Неужто ты тут другого жениха не найдёшь?

– А мне другой не нужен! – отрезала Ася. – Я за Данилу пойду. Как же я могу бросить его в такой беде? Он сегодня свататься придёт вечером.

– Правда? – удивилась Нюта.

– Правда! Только не говори пока никому. Я не знаю, как тятенька его примет.

– А вдруг дядя Ваня откажет ему?

– Тогда я из дома убегу! Куда угодно, лишь бы с ним. Хоть на пепелище станем жить, но вместе.

– Ну, ты даёшь, сестрица. Неужто так люб он тебе?

– Значит, люб. Только я до этого и сама не знала, просто скучала по нему. А сегодня, как увидала, сразу поняла – только он! На край света за ним пойду. Лишь бы вместе.

– Ой, Асечка! Я тебе даже завидую. У меня нет такого парня, за которым хоть на край света, – задумчиво проговорила Нюта.

– Как это нет? А о ком ты мне сказывала вчера?

– О гимназисте-то? – улыбнулась Нюта. – Так это несерьёзно. Жить с ним на пепелище я бы не стала!

Глава 5

Тюша готовила Ивана к встрече с Асиным ухажёром. Рассказала всё, что узнала о нём от дочери и ждала, что муж на это скажет.

– Не везёт нам пошто-то с женихами, – заключил он. – Всё голытьба попадается. Нет, если парень с руками, то это совсем другое дело. Ремесло у него есть, постепенно встанет на ноги. Он ведь не виноват, что такая беда с ним приключилась.

Тюша кивала мужу, следя за его рассуждением.

– К тому же, ей он нравится, – продолжал Иван. – Стало быть, можно и сладить. Чай, мы-то не нищие – поможем.

Тюша улыбнулась, ей нравился ход его мысли.

– Надо поглядеть на него сперва, а потом уже и решать, – заключил Иван.

Всё правильно, такой подход Тюшу вполне устраивал. Теперь она спокойна – Иван не станет пороть горячку, к встрече с женихом он готов. Надо и ей подготовиться. Стол накрывать нельзя – осудят. Не принято откровенно ждать сватов. Угощение надо доставать, когда уже гости в дом пожалуют. Вроде как, мы вас и не ожидали, но рады угостить. Иначе могут подумать, что только того и ждём, чтобы девку отдать за первого встречного. Нет, пусть не думают, что товар у них залежалый, очень даже дорогой товар. Да только купец небогат. Ну, и ладно, не последние, чай, Семёновы люди в заводе. Семья у них крепкая, помогут парню. Григорий-то Иваныч, поди, с ним сейчас и явится, как положено. Надо закуски разложить по тарелкам, да в куть* поставить пока, чтоб под рукой были. Скоро уж, наверное, пожалуют сваты-то.

Но Данило почему-то не спешил просить Асиной руки. Она, обрядившись в новый сарафан, в нетерпении бродила по двору, несколько раз выглянула за ворота, потом махнула рукой и ушла в избу. Вскоре прибежала Нюта:

– Ась, там тебя какой-то парень спрашивает!

Ася опрометью бросилась к воротам. За ними ждал её Сашка Семёнов.

– Я весточку тебе принёс от Данилы, – начал он, – сам-то он уехал и велел передать, что непременно вернётся, чтоб ждала ты его.

– А чего так срочно уехал-то? – в недоумении спросила Ася. – Прийти обещался...

Сашка пожал плечами и пошёл прочь.

– А надолго ль уехал-то? – крикнула девица вслед.

– Сказал, как получится, – обернувшись, бросил парень.

Ася понуро побрела к избе.

– Ась! Что за парень-то? – нетерпеливо крикнула вслед ей Нюта.

– Сашка, братец Данилов, – бросила на ходу девица и поспешила к матушке.

– Баской! – донеслось ей вдогонку.

Тюша поначалу огорчилась, что сватов не будет, она ведь готовилась. Но потом решила, что это даже и лучше. Коли судьба это Асина, то и так сладится, а коли нет – тут уж ничего не изменишь. Хорошо, что никто не знал про сватовство-то, иначе пересудов бы по заводу было! Сбежал, мол, женишок от беловской девки! А на чужой-то роток не накинешь платок. Так и покатаются сплетни клубком по заводу. Дочь, знамо дело, огорчилась. Тюша, как могла, попыталась её успокоить.

Асе не спалось в ту ночь. Она силилась понять, почему Данило уехал, не простившись. Ясно, что для этого должна быть очень веская причина. Может, ему не понравилось, что она сама его в свой дом привела? Но ведь он же не был против. Да и брата своего прислал, просил, чтоб ждала она его. Что-то тут не вяжется. Не мог он просто так взять и уехать. Или мог? Она ведь его почти не знает. Но почему-то в ней живёт глубокое убеждение, что парень он

правильный, серьёзный. Не похож он на обманщика-то. Лишь ближе к рассвету она заснула, а вскоре её уже будил младший братец:

– Ася, вставай, там все дядю Егора с Никитой провожают, а ты спишь!

Во дворе собралась вся семья. Анфиса вынесла узелок с пирожками да шаньгами, чтоб в дороге перекусить, и вручила его Никите. Тюша собрала гостинцы для Любочкиной семьи и просила передать им. Разве может Егор отказать? Конечно, передаст. Он сложил всё в свой дорожный мешок, обещая навестить Любу с Василием сразу, как приедет в Екатеринбург. Иван тем временем уже запряг лошадь, чтоб отвезти гостей на станцию, Никита топчется рядом, помогая дядьке. Егор поочерёдно обнимает свою семью на прощание, задерживается взглядом на дочери. До чего же она похожа на мать! Именно такой была Маруся, когда он впервые увидел её: брови дугой, карие очи горят жизнью, на щеках играет румянец, а перекинутая вперёд тёмно-русовая коса достаёт до самого пояса. Тимофей стоит рядом с сестрой, надвинув картуз на глаза. Вот уж Санов портрет! Не прибавить, не убавить. Правда, сейчас младший братец выглядит так, что не приведи Господи. Вчера Егор повидался с ним, да и с Ефимом тоже.

Выспавшись после душевной беседы с Иваном, отправился он в отцову кузню. Оба брата были там. Встретили его не то чтобы холодно, но и не с распростёртыми объятиями. Настороженно как-то. С Саном, конечно, всё понятно, но Ефим-то! Они, вроде, всегда хорошо ладили. Старший брат после смерти родителей переехал со своей семьёй в их избу, а до этого так и жил в примаках у Мани, не построил своего-то жилья. Неужели он побоялся, что Егор на наследство претендовать станет? Может быть. Но Егору ничего не нужно, он, пожалуй, побогаче братьев-то будет. К тому же, Ефим старший, кому, как не ему, жить в отцовом доме? В общем, встретились сухо, ни братских объятий, ни душевной теплоты. Расспросил он братьев об их житье-бытье, поинтересовался, как Дуся поживает со своим немолодым вдовцом. Братья рассказали, что слёг он у неё, слаб очень, вот допокаивает теперь сестрица мужа своего. Помянули покойную сестрицу, Фросю, поговорили о том, о сём, да и расстались так же прохладно, как встретились. И остался на душе Егора неприятный осадок, словно потерял он что-то в этой жизни. Невольно сравнил, как встречают его в семье жены. Всегда с улыбкой и добрыми словами. Всегда расспросят, как дела. И не ради приличия или любопытства, а с искренним интересом и душевным теплом.

Егор прогнал невесёлые мысли, ещё раз попрощался со всеми и устроился на телеге рядом с Никитой. Иван натянул поводья, и последние прощальные слова растворились в скрежете колёс. Егор с интересом смотрел по сторонам. Нечасто он бывает в заводе, который растёт и меняется на глазах. Избы стоят добротные, крепкие, а при них большие огороды. В каждом дворе скотина. Лошадь да корова непременно. Да и всякая мелкая тварь имеется – козы, поросята, куры опять же. А как без хозяйства-то? С него и кормятся. Семьи у всех большие, а это хорошее подспорье заводскому жалованью. Попадают, конечно, и неказистые избёнки. Но там и хозяева, как правило, никудышные, навроде братца его младшего. Есть и двухэтажные дома. Они рублены из хорошего толстого бревна, иные имеют каменный низ, а некоторые полностью каменные, но таковых не так много. В них, в основном, начальство заводское проживает или те, кто торговлей промышляет. Крепко живёт завод, это видно, и народ здесь не нищенствует. В большом-то городе бедноты больше – отметил мысленно Егор.

Вскоре избы закончились, и впереди замаячило заводское кладбище. Егор попросил Ивана остановиться возле него.

– Пойдём-ка, сын, навестим твоих деда с бабкой, – обратился он к Никите, – пока время позволяет. Негоже уезжать, не зайдя к ним.

Старики Кузнецовы были похоронены рядышком, подле Фросиной могилки. Три креста с одинаковыми фамилиями.

– А сестрица-то твоя совсем молодой померла, – удивился Никита, глядя на Фросину могилку. На старом деревянном кресте были едва видны даты её жизни. – Чего же она так мало пожила-то?

– Пала она с лесенки, когда с сеновала спускалась в темноте. Оступилась. Спину сильно повредила, слегла, да так и не встала больше. А когда невоготу совсем стало, она себя и порешила.

Никита помолчал в задумчивости и вдруг сказал:

– А почему твои братья не сделают хорошие кованые кресты на могилы? Дерево стареет, гниёт, а ведь можно такую красоту выковать. Я даже представляю, какими они могут быть, и главное – долговечными!

Егор с интересом посмотрел на сына – надо же! А из парня-то и впрямь когда-нибудь первоклассный кузнец получится. С выдумкой парень, с азартом.

– Вот ты и сделай, коли есть такая задумка, – проговорил он, увлекая Никиту обратно к телеге.

– И сделаю! – твёрдо сказал сын.

Уже в вагоне Никита снова обратился к отцу:

– Тять, а пошто твоя родня к нам никогда не приезжает? Матушкины родственники нам как будто ближе, с ними мы роднее. Я сызмальства знаю всех её сестёр и братьев, все мы дружим промеж собою, а твоих братьев и сестру я почти и не знаю. И видел-то их лишь несколько раз за всю жизнь, а уж их детей и вовсе не знаю. А ведь они мне сродными братьями и сёстрами доводятся.

– А в жизни, сын, порой бывает так, что чужие люди становятся ближе родных, а родные – наоборот. Всё ведь от самих людей зависит.

– А я бы хотел подружиться со своими братьями и сёстрами. Почему мы не навещаем их, когда тут гостим? Даже у деда с бабушкой были всего пару раз. Почему так?

– Так случилось, Никита.

– Нет, я не понимаю этого, – не унимался парень. – Дядя Сано живёт недалеко от бабушки Анфисы, мне Стёпка показал его дом, а мы никогда не заходим к нему в гости. Почему? Он же твой брат! Я не могу себе представить, чтобы мы с Тимохой перестали знать. Ведь вы в детстве, наверное, тоже вместе играли, как мы.

– Да, – сдержанно ответил Егор, – в детстве мы играли. Но это было так давно.

– А сейчас почему вы не знаете? – по-прежнему недоумевал Никита.

– Потому что это не понравилось бы твоей матушке.

– Она с ним в ссоре?

– Нет, нельзя сказать, что в ссоре, но и не в дружбе.

Егор понял, что ответы его ничего парню не объясняют. Как ни крути, а правду сказать придётся.

– Ладно, Никита, ты взрослый парень, семнадцатый год уже пошёл. Коли завёл ты непростой разговор, то я тебе всё сейчас и скажу, – Егор выдохнул и продолжил:

– Когда-то твоя матушка была замужем за моим младшим братом, а потом она стала моей женой.

– Как так? – не понял Никита. – Дядя Сано был её мужем?

– Был.

– И она его бросила?!

– Не всё так просто, сын. Так сложилось, что я должен был её защитить. И тогда я её увёз.

– Защитить от мужа? Он её обижал?

– Обидел однажды. А наша матушка не из тех, кто станет терпеть обиду, ты знаешь.

– Знаю, – согласился Никита.

– Вот, я пришёл за ней, она собрала узелок, одела Тимошу, и мы уехали.

– Как? Тимка тогда уже был? Он не твой сын? Он дяди Саны? – совершенно опешил парень.

– Да. Но он мне такой же родной, как и ты, запомни! Я никогда вас не разделял.

– А он знает?

– Пока нет, но однажды всё равно узнает.

Никита замолчал, переваривая услышанное. Егор внимательно смотрел на него. Когда-то должен был настать этот час. Ещё и Тимофею предстоит узнать всю правду. Никиту она потрясла. А что же тогда с Тимохой-то станется?

*Куть – место в избе напротив устья русской печи.

Глава 6

Проводив гостей до станции, Иван вернулся домой, распряг лошадь и послал Степана на реку выкупать её. Умоталась, бедная. Уж больно денёк жаркий выдался. Тимофей вызвался поехать вместе с братом. Тогда Иван вывел из конюшни жеребца с задорной кличкой Ветерок, и помог племяннику взобраться на него.

– Не упадёшь? – спросил он парня, который не очень уверенно управлялся с конём.

– Постараюсь! – весело ответил Тимоха.

– Этот смирёной! Не такой, как Графиня, та у нас норовистая. Ты сильно-то не погоняй его, езжай потихоньку, тогда точно не свалишься.

Маруся с тревогой смотрела на сына.

– Держись крепче! – крикнула она ему.

– Не бойся, матушка! Я же не в первый раз, меня дед Прохор сажал на коня в детстве, – уверенно ответил Тимоха, но мать сомнительно покачала головой.

Молодая резвая кобыла по кличке Графиня уже в нетерпении вытанцовывала под Стёпкой. Она была дочерью Ласточки и Буянки, которых Маруся помнила ещё со времён своего девичества. Прохор всегда держал лошадей, любил он этих умных и доверчивых животных. Да и какое хозяйство без лошади? Пахать, боронить, сено да дрова возить – много работы для них находится. Вот и Иван теперь, как когда-то отец, с любовью и заботой содержит своих четвероногих помощников.

Тимофей, слегка покачиваясь в седле, двинулся за Степаном, ехавшим впереди. Маруся, стоя у ворот, смотрела ему вслед. Убедившись, что сын всё-таки неплохо держится на коне, она отправилась в огород – надо помочь матушке с прополкой. Там, повязав головы белыми платками, уже трудились девицы. Они пололи длинные борозды и весело переговаривались меж собой.

– Фу, какой колючий сорняк! – ворчала Нюта. – Я все пальцы исколола!

– Это осот! Он противный! – отвечала ей Ася со знанием дела. – А ты бери его поближе к корню, там не так колется.

– Мне больше нравится лебеду рвать, она легко выдёргивается, не то, что этот осот.

– А мне мокрицу! – рассмеялась в ответ Ася. – Она и вовсе легко рвётся, будто сама из земли выскакивает, да ещё и все соседние росточки за собой тянет.

– Точно! – рассмеялась Нюта.

Маруся взяла старое ведро и присоединилась к работницам.

– Ну что, девоньки, будем полоть наперегонки? – весело спросила она.

– Будем! – дружно ответили обе и быстрее заработали руками.

Маруся улыбнулась и приступила к прополке. Запах вырываемых трав унёс её мыслями в далёкое прошлое, когда они с Нюрой вот так же двигались по соседним бороздам, весело переключаясь во время работы. Хорошая была пора. За родительской спиной, как за надёжной стеной живётся. Словно невидимый заслон оберегает от бед. А теперь уж и они с Егором заслоняют своих выросших детей. Немного уже им осталось подле родительского тепла согреться, скоро полетят птенцы свои гнёзда вить. Не стоит жизнь-то на месте.

Она ещё не успела пройти до конца свою борозду, когда в огороде появился Тимофей и окликнул её. По выражению его лица Маруся поняла – что-то стряслось. Она внимательно посмотрела на парня.

– Поговорить хочу! – резко бросил сын и направился к скамейке.

Садясь, он со злостью ударил по сиденью кулаком. Маруся прошла к бочке с водой, стоящей под водостоком позади конюшни, помыла в ней руки и, вытирая их о передник, поспешила к сыну.

– Что такое случилось? – спросила она, усаживаясь рядом.

– Кто мой отец? – сурово спросил он.

– Тот, кто вырастил тебя и всегда любил, – постаралась как можно спокойнее отвечать Маруся, хотя внутри у неё всё сжалось в комок. Вот и пришло время держать ответ перед сыном.

– Это правда, что он мне не родной отец? – напористо спрашивал Тимоха.

– Правда. Но это ничего не меняет. Он всегда считал тебя своим сыном.

– Расскажи мне про родного отца. Я хочу знать правду! – всё так же сурово продолжал сын.

– А чего о нём рассказывать? Шрам вот этот видишь? – она повернулась к сыну, показывая щёку.

Тот кивнул. Этот шрам он с детства помнил.

– Вот тебе и весь сказ про твоего отца!

Они оба сидели молча, думая каждый о своём, вернее, об одном и том же, но всяк по-своему.

– Это Сано тебе сказал? – нарушила тишину Маруся.

Тимофей кивнул:

– На реке его встретили. Он обниматься полез. Здравствуй, мол, сынок, какой ты взрослый стал, всю жизнь тебя люблю, но разлучила нас твоя матушка.

– Понятно. Пьяный опять?

Сын снова кивнул.

– Почему ты мне раньше не говорила?

– Тебя эта новость порадовала бы? – резко спросила Маруся.

Он пожал плечами.

– Ты сейчас злишься.

– Ещё бы! – с вызовом произнёс Тимофей.

– Ну вот! А тебе ведь уже семнадцать годов, восемнадцатый идёт. А если бы ты мальцом это узнал? Как бы ты пережил?

Сын задумчиво молчал.

– Мы с отцом просто берегли тебя, пойми это и постарайся не сердчать на нас. В жизни всякое случается. А если ты думаешь, что живя с другим отцом, был бы счастливее, то сильно ошибаешься. Посмотри на Сану и на Егора. И сравни, – спокойно продолжала Маруся.

Так же спокойно она рассказала сыну про своё первое замужество, как несладко приходилось ей в чужом доме, как ворчала вечно недовольная свекровь, как издевались золовушки, и лишь один человек встал тогда на её защиту. Не Сано, нет. Егор! У Сана кишка тонка на что-то стоящее. А вот пить да жаловаться у него хорошо получается. В этом он преуспел.

– Я чего ж ты за него пошла, коли он так плох? Почему сразу другого брата не выбрала? – спросил Тимоха.

– Нет, Тима, не так уж он плох. Просто он другой. Он может быть и добрым, и заботливым. Да и мастер хороший был, пока не запил. Видел розу железную у бабушки в вазе? Это он когда-то выковал для меня.

Сын кивнул. Этот цветок ему очень нравился. Он и сам однажды пытался сделать что-то подобное. А Маруся продолжала:

– Не такой уж он и плохой, просто слабый. До брата-то ему, ой, как далеко! А пошла я за него, потому что Егора в ту пору ещё не знала, жизни не знала.

– Не пойму я тебя, матушка, говоришь, что слабый он был, а он тебе вон какой шрам оставил!

– Глупый ты ещё, сын, хоть и большой вырос! – вздохнула Маруся. – Чтобы бабу побить, силы много не надо. А сдержаться да не дать волю рукам – вот тут она, истинная сила-то и про-

является. Это только слабые мужики на своих бабах отыгрываются. Дед твой, Прохор, крутого нрава был мужик, а я не помню ни единого разу, чтоб он матушку ударил. Так и прожили они всю жизнь в мире да в ладу. Ты норовом-то в него пошёл, такой же горячий. А лицом – в родного отца. Да и, слава Богу, что только лицом!

Девушки в это время пропололи до конца свои борозды и шагали обратно, держа в руках ведра с сорняками.

– Пойду я, – молвил Тимофей, поднимаясь со скамейки.

Он не знал, что ещё сказать. Спокойный голос матери, поведавшей ему о прошлом, немного поубавил его пыл, но не остудил до конца. Хотелось спрятаться куда-нибудь подальше от людей и самому всё обдумать. Парень быстро поднялся на сеновал, плюхнулся спиной на остатки прошлогоднего сена, закинул руки за голову и закрыл глаза, перебирая в памяти картины детства. И в каждой картине рядом с ним был тот, кого он всегда считал отцом. Вот они играют «в лошадки» – отец становится на четвереньки, а Тимка с Никитой поочередно садятся ему на спину, изображая всадников, а тятенька катает их по избе. Вот он в своей кузне мастерит им санки, красивые, с витиеватым узором по бокам. А сыновья, затаив дыхание, следят за его движениями. Огненно-красная полоска железа послушно загибается в руках отца, становясь полозом. Как же они гордились своим тятенькой! Ни у кого из соседских ребят таких саней не было. У всех простые, деревянные, а у них – красивые, с кружевными бортами. Они тогда ещё в Нижнеисетском заводе жили и катались там с горки прямо к пруду. Хорошее было время! Беспечное. А сейчас той беспечности и след простыл. Мир разрушился.

Почему так случилось именно с ним? За что? Теперь до скончания века Тимофею жить с этим. Обидно, что он оказался обманут. Обидно, что всё у него не так, как у других ребят. Сейчас он очень остро ощущал свою неполноценность. У него всё неправильно. Человек, которого он называл тятенькой, вовсе и не отец ему. А спившийся мужик, которого он считал своим дядькой, на самом деле оказался его отцом. И как ему теперь их называть? А матушка? Столько лет его обманывала. Она, конечно, в чём-то права, говоря, что оберегала его. Но ведь от этого не убережешь! И что ему теперь со всем этим делать? Как жить? Эх, жаль, нет рядом Парамона, его нового приятеля. Тот всё знает о жизни: что правильно и что неправильно, что справедливо, а что нет. И главное – как с этим бороться. Парамон знает, как переустроить весь мир, а Тимофей не способен разобраться даже со своими бедами. Исчезнуть бы сейчас, раствориться, как сахар в чае, и ничего больше не чувствовать, не знать. Нет тебя и всё тут. И беды твоей тоже нет...

– Тимка! – раздался снизу голос Стёпки, вырывая парня из этих тяжких дум. – Тимка! Ты где?

Тимофей поднялся. Придётся спускаться, иначе братуха всех переполошит. А ему не хотелось сейчас привлекать к себе внимание.

– Чего орёшь? Иду я! – сердито отозвался Тимоха, спускаясь с сеновала.

– У меня к тебе дело, – начал Степан, едва только братец ступил на землю. – Дядька Сано сегодня говорил, чтоб ты к нему в гости заходил, дак ты... это, ты возьми меня с собой.

– Никуда я не собираюсь, ни в какие гости! Чего я там не видал?

– А у них девки красивые! Особенно Улька.

– А кто у них ещё есть? – заинтересовался вдруг Тимофей.

– Старшая у них Дашка, ей годов шестнадцать, вторая – Улька, она на год младше сестры, и Кузька ещё есть, тому лет двенадцать будет.

Тимка задумался. Он знал, что у отца живут в заводе ещё два брата и сестра, а значит, и у него есть сродные сёстры и братья, но родители меж собой не особо знали, и он никогда их не видел. Теперь-то понятно, почему отцова родня была у них не в чести. Как же всё запуталось-перепуталось. Получается, что у него есть не только сродные, а, почитай, наполовину

родные сёстры и брат. Душу раздирала досада, но сквозь неё вдруг начало пробиваться любопытство. А какие же они, его близкие родственники? Может, и впрямь, стоит познакомиться?

– Ладно, там видно будет, – буркнул он в ответ.

Вечером он всё-таки отправился к Кузнецовым, которые жили неподалёку. Стёпка шагал рядом. Тимофей искренне удивился, какой неказистой выглядит изба его новоявленного отца. Ворота перекошены и с трудом закрываются, во дворе худой сараишко да покосившиеся постройки для скота, прясло накренилось и едва держится, местами подпёртое толстыми палками. На крыльцо вышла хозяйка.

– Здравсьте, тётя Таня, мы к дяде Сану пришли, он звал нас, – сказал Стёпан.

Тётка недобро осмотрела гостей и остановила взгляд на Тимофее.

– А ты, никак, его сынок? – спросила она с ехидцей в голосе. – Рожа-то отцова, ни дать ни взять! Я вот только тебя и ждала! Всю жизнь мечтала этакого важного гостя принимать в своей избе!

Тимоха растерялся, не зная, что ответить.

– Дома дядя Сано-то? – спросил Степан.

– А куда он денется?! Дрыхнет! Пьяный, как всегда! – злобно ответила хозяйка. – Не упредил он меня, чтоб к дорогим гостям приготовилась, так что извиняйте, стол не накрыт!

Тимоха зло плюнул, развернулся и пошёл к воротам. Можно подумать, он напрашивался в гости. Жил столько лет без этого отца и дальше проживёт.

Глава 7

Стёпка хотел было пойти следом за братом, но на крыльцо вдруг вышла Ульяна и слегка кивнула ему головой в знак приветствия. Парень тут же восторженно, в глазах вспыхнули огоньки. Это не ускользнуло от цепкого взгляда Татьяны. Никак, кавалер выискался? Только этого ей не хватало! Опять эти Беловы встают на её пути.

– Чего ты выскочила? – заворчала она на дочь – А ну, марш в избу! И нечего тут глазки строить!

– А я и не строю, – надулась Ульяна, но не сдвинулась с места.

– Вижу, не слепая! – рявкнула мамаша, провожая взглядом незваного гостя, который шёл к воротам, то и дело оборачиваясь на девушку.

– Чего оглядываешься?! – крикнула Татьяна вслед парню. – Забудь сюда дорогу! В другом дворе девок выглядывай, а моих не трожь! Не позволю!

Ульяна стояла, потупив глазки, но изредка, пока не видит мать, бросала на Степана робкие взгляды. Это, конечно же, не укрылось от него. Запирая ворота, он махнул девке рукой на прощанье, чем вызвал новый всплеск Татьяниной ругани. Ну и пусть поорёт тётка. Все знают, какой у неё скандальный характер. Стёпку это не остановит. Он же видит, как Ульяна на него поглядывает, и теперь он точно не отступится.

С довольной улыбкой Степан вышел за ворота. Поглядел по сторонам – Тимохи нигде нет. Во, даёт братец! Уже успел до дома добежать. Но дома его не оказалось. Встревоженная тётка Маруся стала пытаться, куда они ходили, где сейчас Тимка. Степан честно рассказал ей, что ходили они к дяде Сану. Тогда она решила, что парень у своего отца остался, и опять взялась расспрашивать Степана. Пришлось ему поведать, как неласково их там встретили и даже на порог не пустили. Этому она не удивилась, вполне в Татьянин духе. Но Тимка-то куда подевался? Стёпка только плечами пожимал.

– Как же так? – недоумевала Маруся. – Вы вместе вышли из Санова двора, а пришёл ты один? Не ври мне, Степан! Говори сейчас же, где Тимофей?!

– Да не знаю я! Он вперёд вышел, я думал, что он уже тут.

– Я тебе не верю! Что-то вы удумали! – не унималась Маруся.

Её терзала тревога за сына. Парень он норовистый, не приведи, Господи, натворит чего. Надо срочно что-то делать, искать надо. А где искать? Куда бежать? Стёпка божился, что не знает, куда Тимоха направился.

А Тимофей в это время шёл по берегу пруда. Выскочив из двора, он бросился куда глаза глядят и свернул в первый попавшийся заулочек. Поплутал немного по улицам и вышел к пруду. Он узнал это место. На берегу стояла кузня, которая когда-то принадлежала его деду Петру Кузьмичу. Отец приводил его сюда в детстве и рассказывал, как они с братьями осваивали здесь кузнечное ремесло. Тимоха усмехнулся – оба его отца работали тут. И за что с ним жизнь так пошутила? Два отца! Он вздохнул и пошёл дальше вдоль берега. Солнце клонилось к закату, оставляя на воде красивую розоватую дорожку, которая переливалась и слепила глаза. На пруду плавали лодки. Видать, влюблённые парочки катаются, или кто с того берега из леса возвращается. Тятка рассказывал ему, что пруд этот образовался, когда ставили заводскую плотину. Тут как раз сливаются две небольшие речки. В детстве отец с братьями, Ефимом и Саном, часто ходил сюда купаться. Дом-то их недалеко стоит. Однажды они пытались на спор переплыть пруд в самом широком месте, и младший, Сано, чуть не утонул тогда, а старшим потом сильно досталось от их батюшки. А теперь этот Сано вдруг оказался Тимохиным отцом.

Тимофей шагал и думал о своём. Он и не заметил, что пруд закончился, и идёт он уже вдоль устья реки, которая была тут ещё достаточно широка. Его внимание привлекла лодка,

плывущая как-то странно, она дёргалась то в одну, то в другую сторону. На корме сидел незнакомый парень и грёб одним веслом, опуская его в воду попеременно с каждой стороны.

– Помогите! – услышал он вдруг слабый голосок и пригляделся повнимательнее. Голос вроде женский, а в лодке бабы не видно. И тут Тимоха увидел, что к берегу кто-то плывёт, в переливах играющей на воде дорожки виднеется голова. Из-за солнечных бликов он её сразу и не разглядел.

– Помо-ги-те! – снова раздался тот же голос.

Тимофей сбросил рубаху и кинулся в воду. Парень в лодке перестал грести, наблюдая за ним. Девица вцепилась в своего спасителя, лишь только он приблизился к ней. Тимофей, собрав все силы, потянул её к берегу. Когда они вышли из воды, лодка развернулась и поплыла прочь.

– Спасибо! – сказала девка, переведя дух, и смущённо опустила глаза.

Она была невысокого роста, с виду лет пятнадцати-шестнадцати. Лицо бледное, посилавшие губы мелко трясутся. Мокрый сарафан облепил стройную фигурку.

Тимоха протянул ей свою рубаху:

– На-ко вот, переоденься там, за кустами. Твою-то одежду надо отжать хорошенько да подсушить немного.

Девица взяла рубаху и с благодарностью посмотрела на своего спасителя. Глаза у неё оказались огромные, серые, опушённые длинными чёрными ресницами. Парень невольно отвёл взгляд, а потом обернулся и смотрел ей вслед, пока её прямая спина с длинной косой не скрылась за кустами. В это время мимо проходил паренёк с удочкой, Тимоха спросил, нет ли у него спичек. Тот утвердительно кивнул, и вскоре на берегу был разложен небольшой костерок.

Когда девица вышла, возле костра уже лежал ствол старого дерева, подтянутый поближе к огню. Тимофеева рубаха едва доставала ей до колена, и она то и дело смущённо одёргивала её руками. Парень понимающе отвернулся, рукой указав ей на бревно. Она благодарно кивнула и, усевшись, натянула рубаху на колени. Он взял её одежду и повесил на длинную палку, воткнутую в землю тут же, у костра.

– Как тебя звать-то? – спросил он.

– Дарья Корнилова, – взглянув ему в глаза, бойко ответила девица. – А тебя я знаю, ты Аси Беловой брат, из Екатеринбурга. Только имя не помню. Мы напротив вашей бабушки живём. А Ася – моя подруга.

– Тимофей я, – сказал он, посмотрел на неё внимательно и добавил:

– Что-то я тебя там не видал.

– Зато тут увидал, – улыбнулась Дарья.

Она уже пришла в себя и немного повеселела.

– Как ты в воде-то оказалась?

– Ванька Кривов позвал меня на лодке покататься. Вот мы и катались. А потом он предложил выйти на том берегу да в лесочке погулять. Я отказалась, а он всё равно стал к берегу грести. Намёки всякие делал, мол, мы с тобой осенью всё равно поженимся, чего ты боишься, никто же не узнает. А вокруг, как нарочно, никого нет, все лодки там, вдалеке остались. Я сказала, что не выйду на берег, он начал тянуть меня за руку. Вот я изловчилась, выдернула весло из уключины, да и треснула его по спине. Он свалился, а весло-то о борт лодки лопастью задело и поломалось. Видно, я со страху-то долбанула со всей дури. А сама прыгнула в воду, да и поплыла на этот берег. Он очухался и за мной следом с одним веслом. Хорошо, что ты тут оказался, я, как увидела тебя, сразу кричать начала, иначе Ванька настиг бы меня. Вот и вся история, – улыбнулась смущённо Дарья.

Тимоха смотрел на девицу и удивлялся – с виду такая маленькая, беззащитная, а сколько же в ней силы. Сумела противостоять здоровому парню, да ещё и вплавь бросилась от него.

– А ты-то как тут оказался, спаситель мой? – спросила она с улыбкой. – Словно Господь мне тебя послал в нужную минуту.

Он сел рядом с ней на бревно и ответил:

– День у меня сегодня такой, что от всех убежать захотелось, одному побыть. Вот и забрёл сюда.

Может, и впрямь, Господь привёл.

Даша внимательно смотрела на него, словно ожидая объяснения, и Тимоха вдруг начал рассказывать ей свою историю. Он не знал, почему это делает, но чувствовал, что она его поймёт. Он то говорил, то замолкал, теребя при этом пальцы или сжимая их в кулаки, и снова продолжал говорить, словно выталкивал из себя свою боль.

И она поняла. Положила ладонь на его кулак и осторожно так погладила. А он свою ладонь поверх её руки и тоже тихонько погладил. И стало вдруг на душе его так легко, словно выплеснул он оттуда всё ненужное, освободился от обиды и боли и впустил взамен этого что-то хорошее и светлое. Так они и сидели, не разнимая рук. И молчали. И было в этом молчании какое-то дивное единение промеж ними. Никогда ещё Тимоха ничего подобного не испытывал.

Он и не заметил, как село солнце. Костёр почти погас, а они всё сидели, не замечая назойливых комаров, осмелевших с исчезновением дыма.

– Моя одёжка уже высохла, – сказала Дарья, отнимая свою ладонь. – Пойду, переоденусь, а то тебя без рубахи-то совсем заедят, эвон, сколько комарья налетело! Да и домой уже пора. Потеряли нас, поди.

Она сняла с палки сарафан с рубахой и удалилась в кусты. А Тимоха всё сидел и улыбался. Что-то хорошее коснулось его сегодня, окутало своим теплом, словно убаюкало, и так не хотелось, чтобы всё вдруг исчезло.

Они шли домой по ночным улицам и разговаривали. Тимофей поведал Даше о своей семье, о работе в кузне, о жизни в городе. Она в ответ рассказала о себе.

– Вот ты горюешь, что у тебя два отца, – сказала она. – А у меня и одного нет. И что лучше? Помер мой тятенька год назад. Остались мы с матушкой без кормильца, а семья-то немалая: я да двое младших братьев. Тяжело без мужика хозяйство тянуть, парни ещё несмышлёные, одному десять недавно минуло, а другому – шесть. Нанимать работников тоже непросто, нечем расплачиваться. И от парней помощи пока что не лишку. Хорошо, дядька твой Иван иногда помогает по-соседски – то огород вспашет, то дрова из леса привезёт. Зимой матушка сказала мне, что готова выдать меня замуж за первого встречного, лишь бы мужицкие руки в доме появились. Если, мол, осенью кто посватается, отказывать не станет, тут же отдаст, но с условием, чтоб жил с нами и общее хозяйство вёл. А тут возьми да и объявись по весне жених для неё самой. Дядька Афанасий. Пришлый какой-то. Не знаю, чего уж он ей наобещал, но она приняла его в дом. С той поры мне житья не стало. Цепляется по каждому пустяку. То я делаю не так, это – не этак. И всё норовит поучать. А у самого глазки масляные, того и гляди – проглотит. И я теперь боюсь в своём доме вместе с ним оставаться без матушки. Прямо чувствую какой-то страх перед ним. Сейчас приду домой, он меня больше матери бранить станет, что поздно явилась.

– Давай я с тобой пойду, скажу, как было всё, – вызвался Тимоха.

– Нет, не надо, как бы хуже не сделать, – ответила она, – ты не бойся, я за себя постоять смогу.

Они попрощались и пошли каждый к своей избе. Тимофей присел на завалинку, ожидая, как там встретят Дарью, не пошлышится ли брани. Его вдруг накрыло острое желание оградить её от всех бед. Конечно, она и сама может постоять за себя, коли умудрилась сегодня весло сломать о спину назойливого ухажёра. Но всё равно ей нужна защита.

Из Дарьиной избы не доносилось никаких звуков. Тимоха встал, прислушался, тихонько прошёлся по улице, дошагал до заулка и услышал приглушённые голоса, в ночной тиши они хорошо доносились до него.

– Нет, Ванька, не справился ты с заданием, ничего не получишь! – грозно шипел один голос.

– Но я же пострадал, она меня чуть не убила, – отвечал ему второй.

– Сам дурак, пообходительнее надо быть в таких-то делах! Тсс! Идёт кто-то!

Стоять на виду было глупо, пришлось Тимофею шагать дальше, там он приткнулся к забору и стал ждать. Вскоре из заулка появились два мужских силуэта. Один свернул к Дарьиной избе, другой двинулся дальше. А девке-то и в самом деле грозит опасность! Теперь уж он точно глаз с неё не спустит, будет оберегать и защищать. С этой мыслью он двинулся к бабушкиной избе и опешил – у ворот стояла матушка. Тимофей молча подошёл к ней, обнял и сказал:

– Не переживай за меня. Два отца – это лучше, чем ни одного.

Она приткнулась к нему, погладила по голове, как в детстве, и тихо молвила:

– Вот и слава Богу!

Глава 8

Егор, вернувшись домой, как и обещал, сразу зашёл к жениному брату, передал гостинцы и поклоны от родни. Едва за ним закрылась дверь, Люба пригорюнилась. Весточка от родных навевала на неё жуткую тоску. Давно она не была в родительском доме, почитай, с той самой поры, как уехала в Екатеринбург, да и осталась жить у тётушки Нюры. А потом увела её судьба дальними путями-дорогами, аж до самой столицы. Это сколько же лет-то минуло? Шесть или семь? Почти семь. Думала ли она тогда, как жизнь-то повернётся!? Эх, приехать бы сейчас в родной завод, пройтись по улицам, на речку сходить да в лес по ягоды. Может, и впрямь поехать? Соскучилась уже. С тятенькой и матушкой она, конечно, видится, они навещают Любу, да и братцев с собой берут. А Ася и вовсе часто тут бывает, иногда подолгу живёт, помогает ей с детками. Но Любе всё равно домой хочется, посидеть на родном крыльце, обнять бабушку Фису, на дедову могилку сходить. И просто в детство вернуться, хоть ненадолго.

Сейчас у неё своя большая семья. Забот хватает. С той самой поры, как кинулся маленький Филюшка к ней в далёком подмосковном имении, как вдруг назвал её мамой, так она ему мамой и стала. Супротив судьбы идти бесполезно. Тогда и Василий это понял. И как-то сразу стали они одной семьёй. Произошло это просто и естественно, словно так и должно было быть. Филя был трогательно заботлив с Леночкой, она его тоже очень любила и всякий раз радовалась, лишь завидит своего братца. Радовались и родители их дружбе. Эти дети были выстраданы ими, у каждого своя непростая судьба, потому и радость за них была особая. Недавно Леночке шесть лет исполнилось. Любаша уже перестала высматривать в лице дочери черты её родного отца. Какая разница, в конце концов, на кого она будет похожа? К тому же она ничего не знает об Евгении и считает Василия родным отцом. Так-то оно и лучше. Василий говорит, что Леночка – вылитая Любаша в детстве. Те же тёмно-карие глаза, те же непослушные локоны, выбивающиеся из-под капора, и совершенно очаровательная улыбка. Именно такой запомнил он Любашу в день их первой встречи в родительской избе, когда Тюша, Любина матушка, пришла знакомиться с семьёй своей покойной сестрицы Луши.

А Филимону нынче десять будет. Совсем большой парень. Он часто гостит у своих деда и бабки, Лизаветиных родителей. Вот и сейчас отправился пожить туда на недельку-другую. Люба не против. Должна же у парня быть связь с матушкиной роднёй. И на могилку Лизаветину они всегда ходят вместе. Парень он смыслённый, учится хорошо и с Нюриным Прошей дружит. Василий иногда навещает своих родных, порой и Филю с собой берёт. А вот Любаша до сей поры никак не могла туда поехать. У неё на руках ещё трое малышей. Но и они уже подросли, все на своих ногах. А вот когда рождались они каждый год, один за другим, тогда ей нелегко с ними приходилось, несмотря на няньку в доме. Самому младшему, Петруше, нынче по осени три исполнится, вполне можно поехать с детьми к матушке в гости. Это ж не из Москвы добираться.

Вспомнилось вдруг, как возвращались они в родные места, прожив два года в подмосковном имении. Это Люба настояла на переезде. Видела она, что измаялся муж без любимой работы. Как ни старался он заниматься хозяйством, а всё ж по своему металлу тосковал. Рассказывал порой жене, как медь плавят в печах или чугуны. Увлечённо так говорил, видать, крепко держит его горнозаводское-то дело. А где ж ему было там, в деревне, применить свои силы и знания? Вот и решила она тогда – надо ехать! А как ехать, коли на руках малые Верочка с Надюшей? Одна едва на ноги встала, другая ещё в колыбели. Да и сама Любаша опять на сносях. Но всё-таки настояла на своём. Зимой Василий продал дедов особняк в Петербурге, а имение решил пока оставить. Захар Кондратьич хорошо ведёт хозяйство, ежегодно доход какой-то имеется от продажи урожая. Да и терем этот они очень полюбили, жаль было расставаться с ним навсегда. Кто знает, как она, жизнь-то, повернётся? По весне начали собираться. В конце

апреля дело было. Захар проводил их до Москвы на двух подводах. Там они сели в поезд и доехали до Ярославля. Дальше на пароходе отправились по Волге в Нижний Новгород. А уже из Нижнего по Волге и Каме доплыли до Перми. Поначалу плыть было интересно. Люба впервые взойшла на пароход, удивилась уютной каюте, в которой они поселились. Уложив девочек спать или оставив их на Василия, она брала Филю за руку и выходила на палубу, где с интересом рассматривала проплывающие мимо города и сёла, леса и пашни. Но долгая дорога вымотала Любашу, её не отпускала тошнота. Она старалась не показывать вида, иначе Василий бы сильно волновался за неё. Он и так, насколько мог, старался помогать ей с детьми. Дарья, их нянька, ехать в такую даль отказалась, а нанимать в дорогу незнакомого человека они не рискнули. В Перми пришлось долго ждать поезда на Екатеринбург, но там Люба уже чувствовала себя почти дома, и это утешало её.

В Екатеринбурге поначалу остановились у Смирновых. Нюра приняла их с радостью, соскучилась по своему братцу, да и Любашу она очень любила. Первым делом Люба отправилась в Ново-Тихвинский монастырь, взяв с собой Леночку. Уж очень хотелось ей показать матушке Феофании свою дочку, которой могло бы и не быть, кабы не она, и ещё раз поблагодарить монахиню за наставление. Василий вызвался пойти с ними. Он давно не видал матушку, сыгравшую большую роль и в его судьбе, практически спасшую ему жизнь. Не чаяла старая монахиня увидеть их вместе, и была очень рада узнать, что они повенчались. Получив благословение Феофании, двинулись они пешком в сторону Нюриного дома, рассматривая богатые особняки и прикидывая, где бы они хотели поселиться. Вскоре Василий купил дом на Тихвинской улице, недалеко от Маруси. Павел Иванович помог ему устроиться на завод, и Любаша радовалась счастливому лицу своего мужа – он снова занят любимым делом. А летом она и вовсе уверилась в том, что поступила правильно, настояв на переезде.

В тот год в Екатеринбурге проходила грандиозная Сибирско-Уральская научно-промышленная выставка. Длилась она почти всё лето. У плотины городского пруда построили множество павильонов, разбили цветники, устроили фонтаны. Сам Великий князь Михаил Николаевич Романов посетил город и стал почётным президентом этой выставки. Чего там только не было! Со всей страны привезли экспонаты. Василий уговорил Любашу пойти туда вместе с ним. Она не смогла ему отказать, хоть и не очень хорошо себя чувствовала, тяжело она Петеньку носила. Но счастливое лицо мужа, сразу увлѣкшего её в горнозаводский отдел выставки, подействовало на Любашу благотворно.

– Ты только посмотри, Любушка! Ты посмотри! Какой размах, какая мощь! Здесь жизнь кипит не хуже, чем в столице! – восхищённо говорил он, ведя Любашу от одного экспоната к другому. – Как хорошо, что мы сюда вернулись!

Особенно долго стоял он у витрины с изделиями Гороблагодатских заводов, с гордостью давая жене пояснения. А потом наклонился к самому её уху и тихо сказал:

– Пусть сынок послушает, может, тоже горнозаводским делом займётся.

– А вдруг там не сынок, а очередная дочка? – улыбнулась Любаша.

– Не перечь мужу! Рожай сына! – нарочито строго проговорил Василий, беря её за руку и шагая дальше.

У Любы голова закружилась от обилия впечатлений. Чего только не было на этой выставке! Изделия спичечных фабрик, мыловаренных и свечных заводов, белошвейных и иконостасных мастерских. Экспозиции сменяли одна другую – гвоздарные фабрики, гончарно-печные заводы, чугунолитейные, медеплавильные, железоделательные заводы. Василий водил её из павильона в павильон – мебель, мануфактура, продукты, аптекарские и писчебумажные товары. За один день осмотреть всё было просто невозможно. Устав, Любаша присела на скамейку у фонтана перед павильоном садоводства. Василий дал ей немного времени, чтобы отдохнуть, и потянул её внутрь. Там была такая красота! Обилие света, проникавшего сквозь стеклянные стены и крышу павильона, и множество зеленых оттенков. Диковинные рас-

тения поразили Любашу. Там были пальмы самых разных видов, какие-то растения с широкими листьями и с узкими, подобными иглам. Она и названий-то не запомнила, лишь смотрела во все глаза на это чудо природы.

Они потом ещё несколько раз ходили на выставку. Василий водил туда Филю и показывал ему самые интересные экспонаты. Он просто светился от гордости за свой край, и это очень нравилось Любаше. То первое лето их жизни в Екатеринбурге было просто удивительным. В город приезжали артисты, музыканты и художники. По вечерам в городских парках и на территории выставки играли духовые оркестры, а в театре приезжие труппы ставили спектакли. На один из них Василий сводил Любашу. Ей сразу вспомнилось, как они в Петербурге ходили в театр вместе с семьёй Элизабет. Но то время показалось ей уже далёким и каким-то неправдоподобным. Спектакль Любе понравился, он был не хуже, чем в столичном театре. Но более всего её поразила передвижная выставка Академии художеств, которую она посетила не единожды. Она ходила от одной картины к другой, внимательно разглядывая их и запоминая имена художников – Айвазовский, Шишкин, Перов. Люба искренне удивлялась их мастерству и недоумевала, как вообще возможно создать такую красоту.

А по осени, когда выставка закончилась, у Любаши родился сын. Петрушей назвали. Василий был счастлив. Очень уж ему хотелось, чтоб жена ему сына родила. И она тоже радовалась, видя счастливое лицо мужа. Даже сейчас, вспоминая ту пору, она невольно улыбалась. Замечательный это был год, полный ярких событий. Пожалуй, про следующие годы нельзя сказать такого. Нет, они тоже были по-своему хороши, но этот какой-то особенный. С той поры прошло три года, всё в их жизни устоялось, немного подросли детишки, да и Люба пришла в себя после ежегодных родов. У них сейчас хороший дом, прислуга, достаток в семье, а главное – мир и лад. А что ещё для счастья надо? Только вот тоска по родному дому всё чаще стала её посещать. Может, и правда, собрать детвору да махнуть в гости к матушке?

Вечером Люба решила обсудить этот вопрос с мужем. Василий внимательно посмотрел на неё и твёрдо сказал:

– Поехали! Вот только до воскресенья доживём – и поедем. Не могу же я тебя одну с детьми отправить. Да и отпуск мне полагается. Завтра я всё решу.

Любаша аж взвизгнула от удовольствия и бросилась обнимать мужа. А он стоял и довольно улыбался в свою русую бороду, сияя васильковыми глазами. Из всех детей только Петруша унаследовал отцовы синие глаза да русые волосы, дочери уродились черноглазыми и темноволосыми. Сильна оказалась цыганская кровь.

В воскресенье вся семья Василия Белова сидела в вагоне поезда. Детвора весело щебетала, разглядывая медленно уплывающий перрон. Филя тоже вызвался поехать. А вот няню брать с собой не стали, дали ей отпуск. Там будет столько нянек, что в ней нет никакой нужды. Лена, Вера и Надя прилипли к вагонному окну. Филя важно стоял позади сестёр и смотрел поверх их голов. Любаша держала на коленях маленького Петю и улыбалась. Василий сиял от счастья, поглядывая на своих отпрысков. Это был их первый большой выезд.

– Интересно, как мы там все разместимся? – улыбнулся он.

– На полатах всем места хватит, – рассмеялась Любаша, – для ребятни это будет настоящее приключение.

– Представляю, как все удивятся, увидав столько гостей, – с улыбкой проговорил Василий. – Мы ж без предупреждения, как снег на голову.

– Ничего, мы ненадолго, не успеем надоесть.

Глава 9

Приезд Василия с семьёй удивил всю родню. И обрадовал, конечно же. Началась суэта, движение из одной избы в другую, стали решать, кого куда лучше разместить.

– Вовремя ты, братец, пожаловал! – смеялся Иван. – Завтра покос начинаем, сейчас я и на тебя косу приготовлю, отобью так, что сама косить будет, а ты только вдогонку за ней поспевай!

Он сидел во дворе на низенькой скамейке перед большой деревянной колодой, специально приспособленной для отбивки кос. В неё была вбита металлическая бабка, на которой Иван старательно отбивал молотком лезвие косы, постепенно шагая от пятки к острому концу.

– Я уже и косить-то, наверное, разучился, – проговорил младший брат.

– А вот завтра мы это и проверим, – всё так же весело отвечал ему Иван.

Он был рад, что в доме столько гостей. Все внучата разом пожаловали. Тюша хлопочет в избе и вся светится от счастья. Давно он её такой не видел. Ася повела на прогулку своих племянниц, которые в ней просто души не чают. Любаша с Марусей сидят в огороде под черёмухой и тихо беседуют о чём-то, а рядом топчется маленький Петруша. Василий подошёл, было, к ним, но увидав, что они увлечены разговором, забрал сына, тут же потянувшегося к отцу, и решил вернуться во двор к брату, но замер в воротах. Тот в это время закончил отбивать косу и внимательно разглядывал лезвие, проводя по нему старой тряпицей. Василия просто отороπή взяла. Он даже головой тряхнул от неожиданности, словно прогоняя наваждение. Показалось, будто это отец стоит, до того Иван похож на него. И осанка, и все его движения, и оценивающий взгляд с прищуром – всё напоминает отца.

– На-ко, зятёк, принимай работу, – протянул Иван готовую косу Василию.

– Спасибо, тятенька, – весело отвечал Василий, – из твоих рук мне всё сгодится!

С той поры, как Любаша, которая Ивану доводилась падчерицей, вышла за его младшего брата, старший частенько посмеивался, называя Василку зятем, а тот в ответ шутливо звал Ивана тятенькой. Все уже привыкли к этому подтруниванию. На самом же деле, непростая судьба и Любушки, и Василия очень беспокоила семью, и этот неожиданный союз порадовал всех, несмотря на такие забавные переплетения родственных связей.

Неожиданно ворота отворились, и во двор вошли Тимофей со Степаном. Лица обоих были разукрашены ссадинами и синяками, у Тимохи рассечена бровь, кровь размазана по лицу. У Стёпки припухла губа, и огромный синяк красуется под правым глазом. На крыльцо, ковыляя, спешила Анфиса, увидавшая внуков в окно.

– Это что же такое делается? – запричитала подоспевшая Тюша. – Куда вы опять ввязались?

На шум из огорода прибежали Маруся с Любашей.

– Сынок! Что случилось? – тихо спросила Маруся.

– Да ничего особенного, подрались немного, – отмахнулся тот.

– Ничего себе, немного! – подхватила Анфиса.

– Вы хоть за правое дело дрались-то? – спросил Иван, пресекая этим вопросом все бабьи всхлипы и вздохи.

– За правое, тять! – сказал Стёпка. – И ещё будем!

Иван только головой покачал, ничего не ответив.

– Идите в огород, из бочки умойтесь, – скомандовала Маруся. – Я сейчас вам полотенце принесу.

Парни послушно двинулись к бочке.

Маруся вернулась из избы и уселась на любимую скамейку в ожидании, пока они умоются.

– Иди сюда, Тима, поговорим, – позвала она сына.

Он послушно подошёл и сел рядом с ней.

– Может быть, ты расскажешь мне, что случилось? С той поры, как ты узнал про своего настоящего отца, у тебя всё время какие-то тайны. То исчезаешь куда-то, то бродишь по улице ночью, то являешься домой побитый. Ты давеча заверил меня, что всё в порядке. Но я же вижу, что это не так, и хочу знать, что происходит, – она положила ладонь на его руку. – Я ведь тревожусь за тебя, сынок.

Тимофей помолчал немного, а потом вдруг решительно сказал:

– Жениться я хочу, матушка.

Маруся опешила:

– Вот те здарсьте! Как жениться? На ком?

– На Дарье Корниловой. Она напротив нас живёт. Асина подружка.

– Вот так сразу и жениться? Мы живём тут всего несколько дней, и уже жениться? А ты хорошо её знаешь? – недоумевала мать. – Это нельзя делать впопыхах. Надо осмотреться, познакомиться с семьёй. Да и молод ты ещё, гулял бы себе.

– А ты сама первый раз не впопыхах замуж выходила? – начал злиться Тимофей.

– Вот потому и прошу тебя не спешить, чтоб ты ошибок моих не повторял, – как можно спокойнее говорила Маруся.

– Но ей помощь нужна. Я хочу её спасти!

Маруся удивлённо смотрела на сына.

– Давай ты мне всё спокойно расскажешь, и мы вместе подумаем, что делать, – вымолвила она, погладив его по руке.

И Тимофей рассказал ей. Про всё. И про тот удивительный вечер, когда они с Дашей познакомились, и про Ваньку Кривова, и про отчима Дарьиного, и про разговор, который он случайно подслушал. А на следующий день после тех событий он позвал Степана и попросил показать ему Ваньку. На реке-то тогда он его плохо разглядел. Они отправились к Ванькиному дому и поджидали его там. А когда тот возвращался, прижали его к дощатому забору, да и отмузулили хорошенько. За Дашу. За злодейство, которое он хотел совершить. Тот раскис, стал молить о пощаде и сознался, что это отчим Дарьин нанял его, чтоб он девку обесчестил, и хорошо заплатить обещал. Ему, мол, очень хотелось, чтоб Дарья была опозорена. Тогда она покладистее бы стала, глядишь, и его бы уважила, не воротила морду-то.

Тимофей, говоря об этом, нервно бил кулаком по своей ладони. Марусю охватил ужас от того, что грозит бедной девице. Молодец Тимоха! Правильный парень вырос. Заступник.

– Значит, сегодня вас тот Ванька отметелил? – догадалась она.

– Ага, подкараулили нас со Стёпкой, когда мы домой шли. Их пятеро было. Но я всё равно не отступлюсь. Я должен помочь Даше.

– Это к ней ты уходишь по вечерам?

– Не то чтобы к ней, – замялся сын. – Просто стерегу, не будет ли шума какого в избе, вдруг помощь моя понадобится. А вчера мы с ней на лодке катались. Отчим куда-то уезжал, и мать её отпустила.

– А лодку где взял?

– Стёпка с одним парнем договорился. – Тимофей повернулся к Марусе, – Матушка, ты не думай, она хорошая девушка. Добрая и весёлая. И работающая. Я это уже заметил.

Маруся улыбнулась. Никак влюбился сынок-то? Наверное, это хорошо.

– А не та ли это девица, что намерен к Асе приходила? Маленького росточку в зелёном сарафане, она?

– Она, – смутился Тимоха.

– Давай договоримся так: сейчас страда настаёт, потом жатва, поэтому ни о какой свадьбе ты не помышляй. Никто в это время свадьбы не справляет, – строго сказала Маруся и тут же

улыбнулась – сама-то она как раз в страду за Сану и вышла. – А вот по осени можно и свадьбу сыграть. Вы пока погуляйте, попривыкните друг к другу. С отцом надо всё обсудить: где венчаться, где свадьбу гулять, где жить станете.

Тимоха кивнул. Права матушка, тут не поспоришь. Ему главное сейчас – чтоб Дашу отчим не обидел. И он всё для этого сделает.

Вечером она заставила Тимоху пораньше лечь спать, не отпустила его на очередное дежурство под окна подружки. Утром вставать ни свет ни заря, на покос ехать. Какие могут быть ночные прогулки?! Он насупился и ушёл спать на сеновал. Маруся решила расспросить матушку о соседях. Прежде-то в той избе другие люди жили.

– Ты не помнишь что ли, Сашку-то Корнилова? – удивилась Анфиса. – На соседней улице старый дом стоял на три окошка. Их два брата было, старший-то как раз в том доме и живёт.

– Не помню, – пожала плечами Маруся.

– Тихоня такой был.

– Вот потому и не помню, наверное, – улыбнулась Маруся.

– И то, правда. Наши-то девки не обращали на него внимания, так он жену себе издалека привёз, не то из Верхотурья, не то ещё откуда. Не здешняя она. Но баба, вроде, неплохая. Натальей звать. Дом они вот этот купили у Сычовых, да и жили справно. Только расхворался он чего-то и помер. Вот она, горемычная, и мучается теперь. Соседи помогают ей, как могут.

– Да вроде уже не мучается, новый муж у неё, рассказывают.

– Да какой он муж?! Чужак какой-то. Каторжный, поди! Не нравится мне его рожа бесстыжая. Уж и не знаю, откуда он тут взялся.

– А почему бесстыжая-то? – удивилась Маруся.

– А ты его видела?

– Нет.

– Вот увидишь – поймёшь, почему, – отрезала Анфиса.

Маруся поделилась с матушкой историей, которую ей рассказал Тимофей. Может, она посоветует, как тут быть. И девчонку жалко, и парня от беды оградить хочется. А в том, что эта история грозит ему бедой, Маруся не сомневалась.

Анфиса молча выслушала дочь, покачала головой и проговорила задумчиво:

– Негоже нам лезть в чужую жизнь, Маруся. Сама знаешь – в каждой избушке свои погрешности.

– Знаю, – ответила дочь. – Только тревожно мне чего-то. Боюсь я за Тимку.

В это время на улице послышались какие-то звуки. Маруся выглянула в окно, увидела тёмные силуэты возле соседской избы, там явно кто-то дрался. Она бросилась на улицу, Анфиса поковыляла следом. Ворота оказались не заперты.

– Тима! – крикнула Маруся, уверенная, что сын опять ввязался в драку.

Одна тень метнулась прочь, другая двинулась к ней. Конечно же, это был Тимофей. В руке он держал какое-то ведро.

– У Ваньки отнял, – сказал он, протягивая ей ведро. – Похоже, это дёготь, вон какая вонища от него.

– Дёготь, конечно, – вступила в разговор Анфиса. – Никак ворота соседям измазал?

– Не успел он, я вовремя прибежал.

– Опять караулил? – укоризненно покачала головой Маруся.

– Конечно! А кабы утром соседи измазанные дёгтем ворота увидели? Что тогда? Век бы Дарье не отмываться было*!

– Не пойму я никак – чего этому мужику так приспичило девку опозорить? – удивлённо говорила Маруся. – Наверняка это он опять Ваньку нанял.

– А чего удивляться? – сказала Анфиса. – Хочет, чтобы все от неё отвернулись, тогда она ему достанется. Ишь, выискался мастер чужими руками жар загребать! Никто ведь не подумает, что он сам себе ворота испоганил.

– А матери-то ему мало что ли? – в сердцах спросила Маруся.

– Видать мало! – зло бросил Тимофей.

– Ступай, сынок, поспи хоть немного, – подтолкнула его к сеновалу Маруся. – Скоро уже вставать, а ты ещё не ложишься. Как работать-то будешь?

– Как-нибудь поработаю. Едва ли я теперь засну.

Сверху донёлся Стёпкин голос:

– Дайте поспать! Чего вы там бубните? Тимоха, ты где бродишь?

– Да иду я уже! Иду! – откликнулся тот, направляясь к лесенке, приставленной к лазу на сеновал.

– И что мне со всем этим делать? – спросила Маруся, когда они с матушкой в избу вернулись.

– А что ты можешь поделать, дочка? Жизнь идёт своим чередом. Как суждено, так и будет.

– Он ведь жениться собрался на этой Даше!

– Девка она хорошая, пусть женится. Вот по осени и посватаемся.

– Коли до той поры чего похуже не случится, – возразила Маруся. – Ой, чует моё сердце, не к добру всё это.

*В старину гулящим девкам мазали ворота дёгтем, это считалось большим позором.

Глава 10

Люба проснулась в хорошем настроении. Сквозь кисею белых занавесок в избу пробиваются солнечные лучи, заливая её радостным светом. Как когда-то в детстве, она прищурила один глаз, потом другой, отчего лучи заплесали, плавно изгибаясь. Любаша улыбнулась – хорошо-то как! В избе пахнет свежими пирогами и печёной картошкой. Матушка хлопочет у печи, стараясь не греметь чугунами. Это когда же она всё успела? Давно Люба так крепко не спала, даже не слышала, как мужики на покос собирались. Вот что значит родной дом! И дети ночью не просыпались, не тревожили её. Набегались вчера на свежем-то воздухе, вот и спят теперь. Любаша сладко потянулась. Надо бы встать да помочь матушке, но так не хочется шевелиться. В избу тихонько вошла Ася и улыбнулась ей. И она уже на ногах! Наверное, коров в пасево угнала. Любе стало стыдно – все работают, а она нежится в постели! Быстро поднявшись, она прошлась босыми ногами по половикам и опять улыбнулась. Как приятно ощущать тепло родного дома!

– Проснулась, красавица моя? – улыбнулась Тюша. – Садись за стол, шанежек горяченьких поешь, я тебе молочка парного налью. Ася, ты тоже позавтракай, пока ребятня не проснулась, не то они тебя замучают опять, вздохнуть не дадут. Уж больно они тебя любят.

Сёстры уселись за стол, где на большом блюде возвышались горой шаньги и пироги.

– А запалёнки будете? – спросила дочерей Тюша, подавая им обожжённые до черноты картофелины. – Ещё тёплые!

– Ой, как я давно их не ела! – радостно воскликнула Люба и, приняв из рук матушки совершенно чёрную картошку, аккуратно разрезала её ножом.

Неожиданно на пороге появилась Анфиса.

– Девки, беда! Чего-то там у соседей наших неладно! Маруся туда кинулась, а я – к вам.

– Чего неладно-то? – встревожилась Тюша.

– Крик какой-то слышался, похоже, Дарьин голос. Вот Маруся и побежала туда. Может, глянешь, Ася, чего там с твоей подружкой приключилось? Вдруг помощь какая нужна?

Люба с Асей подскочили и бросились к двери.

– Люба! Куда в исподнем-то? Хоть юбку надень! – крикнула Тюша.

Любаша вернулась, схватила юбку, быстро надёрнула её через голову, на плечи набросила большой цветастый матушкин платок и побежала следом за сестрой.

Навстречу им Маруся уже выводила из соседских ворот всхлипывающую Дашу.

– Успокойся, всё позади! – утешала она девицу, обнимая её за плечи. – Сейчас водички попьёшь и расскажешь нам, что там у вас приключилось.

Даша молча кивала, послушно шагая рядом. По щекам её катились слёзы, а в глазах застыл страх.

Чтобы не будить малышей, отправились в избу к Анфисе. Даша по-прежнему всхлипывала:

– Я... я... кажется, убила его!

– Кого? – одновременно спросили Люба с Асей.

– О.... о... отчима!

– За что?

– Он меня схватил... я стала кричать... он зажал мне рот рукой... а я его ... укусила. Он меня ударил.

– А Наталья-то где? – спросила Анфиса.

– Ушла куда-то, я не знаю, она мне не сказывала, – немного успокоившись, начала говорить Даша. – Мы с Асей только что вернулись из пасева, он меня у ворот поджидал.

Ася кивнула, подтверждая слова подруги, а та продолжала:

– Я не знала, что матушки-то нет. И братья у бабушки в Верхотурье гостят, мы их на время страды туда отправили, чтоб забот меньше было. Отчим-то меня сразу за руку схватил и в избу поволок. Вижу, что злой он. Ворчит на меня. Опять, мол, твой защитничек Ваньке накостылял. А я никак в толк не возьму, о чём он.

– Я знаю, о чём! – вступила Маруся. – Он нанял Ваньку Кривова ворота ваши дёгтем вымазать, а Тимка не дал ему. Я видела, как они дрались ночью.

Даша испуганно посмотрела на неё:

– Зачем ворота вымазать? За что? Я же ничего... я же не...

– Успокойся, мы знаем, что ты ни при чём. Что он ещё тебе сказал?

– Сказал, что никто мне сейчас не поможет... – она смущённо замолчала.

– И чего?

– Затащил меня в избу и... и сарафан задира́ть начал, – покраснела девица. – А я отбилась, как могла, потом упала... он на меня... я ухватилась за первое, что под руку попало, и по голове его хрясь! – всхлипнула опять Даша.

– А чего под руку-то попало? – любопытствовала Анфиса.

– Утюг там стоял... чугу́нный... я убила его, наверно... Он повалился набок, я вскочила и бежать во двор, а там, в аккурат, вы подоспели.

– Сиди тут! Я сейчас! – сказала Маруся и вышла из избы.

– Стой! Куда ж ты одна-то? – кинулась следом за ней Анфиса, но та уже стремительно шагала к соседской избе.

Маруся осторожно перешагнула через порог. На полу лежал здоровый мужик. Похоже, он был без сознания. Она взяла ковш, зачерпнула из кадки воды и плеснула ему в лицо. Мужик застонал и открыл глаза.

– Очухался! Вот и слава Богу! Ещё раз тронешь девку – сильно пожалеешь! – сурово сказала Маруся.

Мужик недоумённо посмотрел на неё:

– Ты кто?

И опять закрыл глаза. Маруся снова зачерпнула воды и выплеснула на него.

– Осторожно! – сказала вошедшая Анфиса. – Он ведь захлебнётся!

– Пусть похлебает водички! – сурово ответила Маруся. – Моя бы воля, так я и сама бы его прибила!

– Глянь-ка, у него волосы в крови, – показала Анфиса. – Вон там, сбоку.

– Ничего, дурную кровь иногда полезно выпустить на волю, – всё так же сурово сказала Маруся и обратилась к мужику:

– Тебя как звать-то?

– Афанасий, – еле слышно молвил он.

– Слушай меня, Афоня, и запоминай: я сейчас пойду к уряднику и донесу на тебя. Мы знаем, что ты тут творишь, и так просто это не оставим! Ты меня понял?

Тот кивнул, но по его взгляду было видно, что ничего он не понял. Он и в самом деле никак не мог взять в толк, что же случилось, и почему эта баба его ругает.

– Оставь уже его, Маруся, – попросила Анфиса.

– Нет, матушка, я его теперь не оставляю в покое. Он напал на беззащитную девицу, он хотел её обесчестить. Я теперь сама за ним следить буду и жене его всё расскажу!

Афанасий с ужасом смотрел на Марусю, силясь вспомнить, что же произошло. Она погрозила ему кулаком и вышла из избы. Анфиса перекрестилась и пошла следом за ней. Ох, и боевая же у неё дочь! И за себя постоит, и других в обиду не даст. А чему тут удивляться? Она с детства такой была.

Даша ждала их в нетерпении.

– Жив твой отчим, ничего ему не сделалось! Таким наглецам иногда полезно утюгом по голове! – сказала ей Маруся. – А ты молодец! Можешь за себя постоять!

Девушка облегчённо вздохнула, вставая с лавки.

– Куда ты собралась? – спросила Анфиса. – Я тебя никуда не пушу, пока Наталья домой не вернётся. Оставайся тут, девонька. Мне так спокойнее будет.

– Дак, неудобно мне стеснять вас, да и делов у меня полно, – попыталась возразить Даша. – Матушка вернётся, ругать станет, что я ничего не сделала.

– А дела твои в лес не убегут! И нечего стесняться, ты нам не чужая! – улыбнулась Маруся. – Может, даст Бог, породнимся скоро. Тимка-то мой свататься к тебе собрался. Аль откажешь парню?

Даша смущённо опустила глаза, щёки её вспыхнули румянцем.

– Не откажу, – чуть слышно вымолвила она.

– Вот это да! – воскликнула Ася. – А я ничего не знаю! Моя подруга – невеста моего брата? Мне это нравится!

Тут в избу вошла Тюша и обратилась к дочерям:

– Девки, чего вы тут застряли? У вас еда-то вся остыла уже! И ребятня проснулась. Мне одной с ними не управиться!

Люба с Асей мигом подскочили и побежали в свою избу, увлекая за собой и Дашу. Тюша присела на лавку, ожидая рассказа о том, что случилось. Анфиса уже хотела было поделиться с ней новостями, но в это время Маруся сказала:

– Вон Дашина матушка домой идёт! Сейчас она подивится на своего мужика.

– Упредить её надо! – вскочила Анфиса и отворила окно, подзывая к себе соседку.

Та подошла и, выслушав её, воскликнула с жаром:

– Не может быть!

– Да как же не может, коли было? – удивилась Анфиса. – Мы все это видели. Девка твоя перепугана насмерть. Маруся грозитя донести властям на него.

Наталья бросилась домой. Через какое-то время она вернулась и попросила не заявлять на Афанасия. Дескать, он просит прощенья, всё произошло случайно, просто Дарья его не так поняла. Он ничего дурного и не помышлял. Не мог он этого сделать, он её как свою дочь любит. Маруся, которая в это время спокойно сидела в стороне, вдруг вскочила и подошла к окну.

– Хорошо, – сказала она, – я не пойду к уряднику. Но не ради вас с мужем, а ради Дарьи. Ни к чему девке дурная слава. Ей ещё замуж выходить, а вы эдак всех женихов от неё отобьёте. Но в обиду Дашу мы не дадим. Она останется жить у нас.

– Да как же я без неё-то? Я без неё, как без рук. Она ведь главная моя помощница. Столько работы. Покос, опять же, впереди.

– А вот пусть твой Афоня и работает теперь за неё! – отрезала Маруся. – Выбирай: мужик или дочь.

Она говорила так решительно, что Наталья не смогла ей возразить, махнула рукой, опустила голову и пошла к своей избе.

– Может, зря ты так, – мягко возразила дочери Анфиса. – Это их семья и их дела.

– Вот именно – семья! Семья! А она между своим дитём и чужим мужиком выбор сделала. Не дочь выбрала, а этого срамника! Это правильно? Я, между прочим, сейчас свою семью защищаю, своего сына! Представь, что будет, когда Тимка про это узнает? Он прибьёт сгоряча Афанасия, и что? В тюрьму сядет? Не стоит этот проходимец того, чтоб жизнь парню губить из-за него. Пусть уж лучше Дарья при нас будет, так всем спокойнее. Я же вижу, что Тимоха голову потерял, каждую ночь вокруг её дома топчется, оберегает. Пусть лучше он спокойно спит тут. И у меня душа на место встанет. Да, мне не нравится эта семья, но я ничего не имею против Дарьи. Хорошая девка, пусть всё у них с Тимохой сладится, коль выбрал он её. Мне

этакие трагедии тут не нужны. Мы от одной беды парня увезли, и я совсем не хочу, чтоб он попал в другую.

Анфиса слушала Марусю и невольно думала о том, как та мудра и дальновидна. При всей её горячности, дочь не теряет хладнокровия, мыслит здраво и, главное – правильно. Да и внешне держится спокойно. Вот ведь умеет же! Зато, когда надо, задаст жару! Как она сегодня этого мужика на место поставила! Анфиса улыбнулась, вспоминая его растерянное лицо.

– Молодец Маруся! – подала голос Тюша, внимательно наблюдавшая за всем, что происходит, – Кто-то должен ведь девицу поддержать, коли мать у неё такая непутёвая.

– Ты, конечно, всё правильно говоришь, дочка, – молвила Анфиса, – только не мешало бы и у девки спросить, чего она хочет.

– И то верно! – улыбнулась Маруся. – Что это я за других решать вздумала? Конечно, если Даша захочет вернуться домой, никто возражать не станет. Пойду-ка я, поговорю с ней.

Глава 11

Василий вместе со всеми возвращался с покоса. Тело приятно ныло от усталости, да и мозоли на руках давали о себе знать. Отвык он уже от такой работы. Давно не косил. Рядом с ним на телеге сладко спали Тимофей со Степаном, несмотря на тряскую дорогу. Колёса то подпрыгивали на буераках, то мягко оседали в дорожной пыли. Василия не покидало ощущение, что он вернулся в детство. Оно появилось ещё рано утром, как только начали собираться на покос. Иван спокойно и уверенно отдавал распоряжения ещё сонным работникам, укладывал на телегу обмотанные тряпицами косы, командовал, кому куда садиться. Совсем как тятенька когда-то. Добравшись до места, он так же уверенно указал, где будут начинать косьбу, поставил в свой черёд каждого косаря и первым пошёл по елани*, красиво взмахивая косой. Василий с упоением слушал привычный с детства звук скашиваемой травы, напоминавший тонкий всхлип, и наслаждался пряными ароматами трав. Он шагал следом за братом, и его не отпускало ощущение, что он движется за широкой тятенькиной спиной, как когда-то в детстве. Болью сжимало сердце. Нет уже тятеньки, а жизнь идёт своим чередом. Сменяются рассветы и закаты, так же следуют друг за другом пахоты, жатвы и сенокосы. Ничего не меняется в мире, он таков же, как и годы назад. Те же дожди и снегопады, те же бури и грозы, то же солнце светит на небесах. Вот и травы зреют из года в год, чтоб вновь упасть под лёгким взмахом косаря, источая при этом неповторимый запах. Да, мир всё тот же, только человек в нём – величина непостоянная. Он приходит сюда, чтобы радоваться и страдать, работать и пожинать плоды своего труда, постигать глубинный смысл жизни и в итоге уходить в небытие. Когда-то по этой елани так же уверенно шагал дед Степан, потом отец, теперь вот Иван. А однажды пойдёт по ней Стёпка, расставив друг за другом своих сыновей. И так будет всегда.

– Вань, – обратился Василий к брату под тихий скрип колёс, – а что сейчас в дедовой малухе?

– Всё то же, что и прежде. Я там работаю иногда, то шорничаю зимой, то плету корзины. По весне вот опять лозы нарезал, туда же и сложил, сгодится.

От этих слов на душе вдруг словно потеплело. Продолжается ремесло деда Степана. Это хорошо. Надо бы обязательно заглянуть в малуху, вроде как к деду в гости сходить.

– Стёпка мой решил, что раз он носит имя деда, то непременно должен дело его продолжать, вот и обучаю его понемногу. Ему нравится. Мы с ним зимой новый короб на сани сплели, хорошо получилось.

Братья помолчали, думая каждый о своём.

– Если ведро постоит, то за пару-тройку дней высушим сено и сгребём этот покос, – проговорил Иван, погоняя лошадь. – Завтра мы его докосим, а как ободняет**, бабы, начнут сегодняшнюю кошенину разбивать***.

Василий согласно кивнул. Гребь ему всегда нравилась больше, чем косьба. На покос выезжали всей семьёй, работали споро, и при этом как-то весело и задорно, с шутками да прибаутками. Грабли быстро мелькали в ловких руках его сестриц и матушки. Маленькие копёшки***** мигом вырастали то тут, то там. Их сразу подтягивали к центру самой большой елани. Потом тятенька с Иваном трёхрогими деревянными вилами метали сено в зарод****, а Василко принимал и распределял его, стоя наверху, да при этом старательно утаптывал сено, чтоб зарод был плотным. В завершение сёстры деревянными граблями очёсывали стог со всех сторон, чтобы при сильном ветре не раздуло клочья с боков. Но больше всего любил юный Василко принимать привезённое сено на сеновале, когда его с возов отмётывали наверх, а потом непременно пойти ночевать на свежем сене, бросив на него старое одеяло. И чтобы сестрицы рассказывали какие-нибудь страшные истории, и чтобы кровь в жилах стыла при малейшем шорохе. И чтобы дрожать от страха, слышав странные звуки, но успокаивать себя

тем, что это просто старший братец так шутит с ними, и с замиранием сердца прислушиваться, пока тот не выдаст себя весёлым смехом.

– Глянь-ка, соседи куда-то уезжают, – прервал Иван воспоминания брата, когда они уже подъезжали к дому. – Или это они Дарью в дорогу снарядили? Похоже, одна она едет-то.

При этих словах Тимофей подскочил на телеге, сон его как рукой сняло. Тимка спрыгнул и поспешил к Даше, которая у повозки прощалась с Асей.

– Неужели уезжаешь? – спросил он, подходя.

– Отправляют меня в Верхотурье к братьям, – печально ответила Даша. – Матушка решила, что так лучше будет. Но я скоро вернусь! – тут же заверила девица.

– А с чего вдруг отправляют-то?

– Я потом тебе расскажу, – пообещала Ася. – Тут такое было!

В это время в воротах показалась Наталья, позади которой маячил Афанасий. Взгляд его был направлен куда-то поверх их голов. Ася обернулась, пытаясь понять, что он так пристально разглядывает, и увидела тётушку Марусю, открывшую ворота вернувшимся косарям.

– Пришли мне весточку, как доедешь до места, – смущаясь, проговорил Тимка.

– Пришлю обязательно, – заверила его девица, садясь в повозку.

– Кланяйся там всем! – крикнула дочери Наталья, когда возница натянул поводья. – Да за братьями приглядывай!

Дарья кивнула в ответ и с удивлением посмотрела на своего отчима, который, казалось, забыл обо всём на свете, откровенно пялясь на соседский двор. Маруся уже ушла, а тот всё смотрел ей вслед, пока Наталья не окликнула его.

Такой интерес соседа к Марусе не остался незамеченным, и вскоре уже все подтрунивали над ней.

– Марусь, глянь-ка, Афоня-то опять тебя поджидает, уже все глаза проглядел на наши окна. Как сел с утра на завалинку, так и сидит! – говорила ей матушка.

– А сосед-то наш, похоже, равнодушен к тебе, маменька! – смеялся Тимофей. – Видать, хорошо его Дашка утюгом-то приложила! Уж больно тихий стал!

– Марусь, там Афанасий за огородом бродит, никак, тебя дожидается? – сообщал с улыбкой Иван, вернувшись со двора.

Маруся только успевала отмахиваться от их насмешек, но однажды к ней с разговором явилась Наталья. Она плакала и умоляла оставить её мужа в покое, иначе, мол, она пойдёт к бабке и наведёт на разлучницу порчу. Неспроста ведь он так смотрит на Марусю, не иначе, как она приворот на мужика сделала. Маруся только руками развела. Ну, что можно на это ответить? Пытаться доказать всем, что у неё замечательный муж и никто ей, кроме него, не нужен? Или просто послать всех куда подальше вместе с этим ненормальным Афоней? А тут ещё и Сано явился. Ему, видите ли, приспичило с сыном пообщаться. Начал пенять, что Маруся настраивает сына против него, что тот его избегает.

– Как же вы все мне надоели! – в сердцах бросила Маруся. – Ты сына в гости позвал, он к тебе приходил. Чего тебе ещё надо?!

– Не был он у меня! – начал спорить Сано.

– Был, Сано, был! В тот самый день, когда ты его позвал. А ты, поди, опять пьяный спал? А вот жена твоя его встретила-приветила, да так, что больше он к тебе ни ногой! Так что иди домой и разбирайся там у себя.

В это время за ворота вышел Тимофей, и Маруся оставила их наедине. О чём уж они там говорили, она не знает, только слышала, как вскоре раздалась на улице Татьянины крики, и злой Тимоха влетел во двор, с силой хлопнув воротами.

– Ты чего, парень!? – окликнул его Иван. – Ты эдак-то мне ворота в щепки разнесёшь! А они ни в чём не виноваты!

Тот лишь молча прошагал мимо. Из избы выскочила Маруся и поспешила за сыном в огород. Села рядом на скамейку, обняла одной рукой, а другой молча гладила по плечу. Тот зло сопел, но ничего не говорил. Наконец он успокоился немного и сказал:

– Вот откуда он свалился на мою голову? Не было его в моей жизни, и так было хорошо. Был у меня хороший отец... А теперь...

– И теперь отец твой никуда не делся, – начала как можно спокойнее Маруся. – Он такой же твой отец и по-прежнему любит тебя.

– Но этот! Ты представляешь, матушка, он заявил, что я обязан помогать ему, потому что он бедный и несчастный, а мы живём в достатке.

– Успокойся, Тимоша! Ничем ты ему не обязан. Зато теперь ты можешь оценить по достоинству своего истинного отца. Он никогда ничего ни у кого не просил. Всего в этой жизни добился сам. Мы уехали отсюда с маленьким узелком и с тобой на руках. И всё, что сейчас у нас есть – это заслуга Егора. Ты сам видишь, сколько он работает, и какой спрос на него в городе.

Тимофей вздохнул и согласно кивнул матери.

– А теперь посмотри на это с другой стороны, – продолжала Маруся, улучив момент. – Это я о твоей теории всеобщего равенства. Ты всё ратуешь за справедливость. Так вот она, справедливость, – один брат работает и всё имеет, другой пьянствует и потому бедствует. И ты по-прежнему считаешь, что богатый должен с ним поделиться?

Тимофей молчал. А что он мог на это возразить? Вот Парамон бы нашёл, что сказать, а он ничего сказать не может. Права матушка, не годится тут теория всеобщего равенства. Может, просто масштабы не те? Ну, вот в рамках всего государства Российского – это одно, а в рамках отдельной семьи – другое. Попытался он донести до матушки эту мысль, а она тут же и посадила его:

– Так государство-то из таких вот отдельных семей и состоит! И на них держится!

Тимофей замолчал. Не получалось у него спорить с матушкой. Умная она у него. Вот бы с Парамоном их свести, интересный мог бы разговор получиться.

– Ладно, сын, посиди тут, подумай, а я пойду, пора и мне с Саном поговорить по душам, – сказала Маруся, поднявшись.

Она решительно подошла к избе бывшего мужа, вернее, бывшей подруги, где он теперь жил.

– Сано, выходи, разговор есть! – крикнула Маруся, постучав в ворота.

На крыльцо выскочила Татьяна и заголосила:

– Ишь, чего удумала! Сама сюда заявила, рожа твоя бесстыжая!

– Не блажи, дура! – рявкнул появившийся следом Сано.

– При мне будете разговаривать! – упорно не унималась хозяйка.

Маруся толкнула ворота и вошла. Она с детства помнила этот двор, частенько они с Нюрой тут бывали прежде, да и на посиделки сюда хаживали. Кажется, всё это было в какой-то другой жизни.

– Тань, сколько можно беситься, а? Ты чего добиваешься? – обратилась она к бывшей подруге.

– А нечего на чужих мужей заглядываться! – вновь заголосила та.

– Ты Егора видела? – спокойно спросила Маруся.

– Видела, – недоумевая, ответила Татьяна.

– И как он тебе? – снова спросила Маруся.

– Мужик как мужик! – по-прежнему не понимая, куда она клонит, отвечала Татьяна.

– Нет, не мужик как мужик! – спокойно и твёрдо проговорила Маруся. – А лучший муж на свете! Надёжный, заботливый, работающий! За таким, как за каменной стеной. Неужели ты думаешь, что его можно на кого-то променять?! Ошибаешься, подруга. И сыновья у него выросли такие же! И они его любят! И почитают! И тебе, Сано, есть чему поучиться у стар-

шего брата. Кабы ты хоть чуток поумнее был, да умел жизнь ценить, тоже жил бы припеваючи, с твоими-то руками! Но нищенствовать тебе больше по нраву. Согласна! Нищенствуй! Только сына моего не трожь! Пока он тебя окончательно не возненавидел. Ему есть с кем тебя сравнивать. И уж поверь – он не сильно обрадовался, узнав, что ты его отец. И лучше бы он этого не знал. Но коли уж ты захотел иметь взрослого сына, то хотя бы оставайся при этом мужиком! Не заставляй его стыдиться тебя!

– А он меня стыдится? – удивился Сано.

– А ты на себя посмотри! – хмуро сказала Маруся и повернулась к выходу, но в воротах она обернулась и обратилась к Татьяне:

– А ты, подруга, не блажила бы под нашими окнами. Зачем на посмешище себя выставляешь? Гордость имей!

Татьяна раскрыла было рот, но тут же остановилась, уставившись в Марусину спину.

А та вышла за ворота и спокойно направилась к своей избе.

*Ела́нь – поляна на покосе.

**Ободня́ет – утро сменится днём (утренняя погода поменяется на дневную).

***Разбивать коше́нину – ворошить скошенную траву, чтобы она лучше сохла.

****Заро́д – большой стог сена.

*****Копёшки – небольшие копны.

Глава 12

По окончании страды Василий с Любашей засобирались домой. Маруся начала думать, не поехать ли и ей с ними, хотя изначально этого не планировала. А всё дело в Афанасии, который проходу ей не давал. Стоило ей выйти на улицу, и он тут же появлялся у своих ворот. Если она шла на реку, то вскоре там непременно оказывался и он. Она отправлялась в лавку и обязательно встречала Афоню на обратном пути. Он ничего не говорил, просто смотрел на неё и улыбался. Эта глупая улыбка выводила Марусю из себя, и она из последних сил сдерживалась, чтобы не наговорить соседу гадостей. Однажды всё-таки не выдержала и сказала:

– Я тебе не картинка, сосед, чтоб так на меня пялиться. Шёл бы ты мимо да смотрел под ноги, не то, неровён час, споткнёшься, да и свалишься, а я буду виновата.

Наталья, слышавшая это, довольно улыбнулась, а вечером прибежала вся в слезах и с угрозами. Оказывается, Афоня оступился, когда с сеновала слезал, упал с высоты и сильно ударился.

– Это ты на него порчу наводишь! – кричала соседка. – Извести хочешь моего мужика! Я слышала, как ты грозилась, что упадёт он! Вот и упал!

И что можно возразить на это глупой бабе? Маруся махнула рукой и закрыла перед ней ворота, а та ещё долго распалялась на улице.

– Поеду-ка я домой, матушка, пока не перессорила тебя со всеми соседями, – сказала вдруг Маруся. – Погостила и будет.

Анфиса посмотрела на неё с сомнением и улыбнулась. Никогда прежде дочь ни перед чем не отступала, особенно перед подобной глупостью.

– Чего ты улыбаешься? – спросила Маруся. – Нельзя мне с Натальей ссориться, нам ещё свататься к ним идти. А ну, как откажет? Тогда Тимка страдать будет из-за её дурости. Нет уж, лучше мы уедем, пусть тут всё пока утихнет.

Анфиса согласно кивнула. Мудрая дочь у неё. Правильная. Умеет свою гордыню смирить. О детях думает в первую очередь. Прохору бы это понравилось. Он Марусю всегда невольно выделял из других детей. Даже отчитывая её за самые дерзкие проступки, он лукаво улыбался в бороду и говорил жене:

– Огонь-девка у нас выросла! Ох, и задаст всем жару!

Она такой и была всегда, но с годами научилась укрощать свой огонь, напускать царственной холодности, и Анфисе это нравилось. Она-то знала, какие нешуточные страсти кипели в это время в её душе.

Начались сборы в дорогу. Но Тимофей и Нюта наотрез отказались уезжать. Ну, с Тимкой всё понятно, он будет Дашу дожидаться. А Нюта? Она-то чего взбунтовалась?

– Поезжай с Богом, дочка, оставь их. Пусть ещё поживут тут, хоть мне повеселее будет, – напутствовала её Анфиса. – Ты не переживай, я пригляжу за ними.

Деваться некуда, пришлось Марусе согласиться.

Когда грузились в телегу, Афанасий наблюдал за этим в окно. Вот уже уложили все узлы, усадили шумное семейство Василия, Любаша обняла всех на прощанье и расцеловалась со своей матушкой, а Маруся всё не показывалась. Она в это время прощалась в избе со своими детьми, давая им последние наказания. Вот, наконец, и Маруся вышла, уселась в телегу. Тут уж Афанасий не на шутку встревожился. Неладно это! Он выскочил из своей избы, когда повозка уже скрылась за поворотом, да так и стоял в растерянности, пока Наталья не увела его.

В вагон загружались шумно и суетно.

– Спокойно, дети, не кричите так, – увещевала своих малышей Любаша, а Маруся умилялась тому восторгу, с которым всё Василково потомство прильнуло к вагонному окну.

Когда поезд тронулся и стоящий с поднятой рукой Иван остался далеко позади, Любаша почувствовала на себе пристальный взгляд. Она обернулась и увидела Николая. Тот кивнул и смущённо отвёл глаза.

– Николка! – воскликнул Василий, тоже посмотревший в его сторону, – а я и не заметил тебя, когда сажались.

– До того ль тебе было?! – ответил с улыбкой друг.

Друзья обрадовались встрече, давняя ссора уже отступила на задний план. Да и когда это было-то?! Столько воды утекло с тех пор.

– Большое у вас семейство, – улыбнулся Николай, откровенно разглядывая детвору. А ведь не откажи ему тогда Любаша, и все эти черноглазые девчушки могли бы быть его дочерьми. До чего же они похожи на свою мать!

– Да, немалое, – согласился с ним Василий и представил другу всех своих детей поимённо. Филимон при этом слегка кивнул, Лена, Надя и Вера скромно присели в книксене, а маленький Петруша широко улыбнулся. Люба смотрела на своих враз притихших детей, и довольная улыбка озарила её лицо. Она была всё так же хороша, и Николай невольно залюбовался ею, что не ускользнуло от пронизательного Марусинога взгляда.

– А ты-то как? – обратился вновь Василий к другу. – Как твоя семья?

– Один я, – вздохнул Николай. – Вдовствую. Сестру вот ездил навещать.

– Как вдовствуешь? А чего же с Серафимой-то приключилось? – вступила в разговор Любаша, удивлённая этой новостью.

– Беда с ней приключилась, – начал свой рассказ Николай. – Когда мы переехали в Тагильский завод, Сима была уже на сносях. Она очень ждала малыша и тщательно готовилась к этому. Мы поселились в доме её родителей, дядька не хотел его поначалу отдавать, но она так на него насела, что отступился мужик. Она всегда добивалась того, чего сильно хотела.

Любаша согласно кивнула – Сима, она такая. А Николай продолжал:

– Квартирантов выселили, Серафима весь дом после них обиходила, потолки и стены покрасила. Занавески новые повесила, всё говоривала, что ребёнок должен жить в чистоте и заботе. Достала с чердака старую колыбельку, в которой сама выросла. Отмыла её, балдахин новый сшила, бантиков всяких да кружев к нему понаделала. И ждала своего сроку. Родилась у нас дочка. Только недолго она пожила, померла вскорости от какого-то кишечного недуга. Через пару лет снова дочь народилась и тоже померла, не дожив до году. Серафима сильно горевала. Нервная стала, сварливая. Чуть что не по ней – браниться начинает. И вот прошлым летом она опять была в тягости. Да только чего-то у неё там не заладилось. Вроде, с виду баба здоровая, крепкая. Не знаю, отчего уж, только мёртвым ребёночек-то родился. Серафима и обвинила бабку-повитуху, что та, мол, её сыночка погубила, да и погрозила ей отомстить. Бабка разозлилась, махнула рукой и ушла, а та лежит, кровью истекает. Я не знаю, чего с ней делать, вот и отвёз в заводской госпиталь. Вылечили там её, но сказали, что деток она рожать больше не сможет. Выписалась Сима домой, занялась опять хозяйством, только смотрю – как будто не в себе она, задумчивая какая-то стала. Уж не ворчит, как прежде, а всё помалкивает. Однажды прихожу с работы, а у неё младенец в люльке лежит.

– Откуда? – спрашиваю я её.

– А это Ванечка, – отвечает мне Сима, – наш сыночек! Смотри, какой он хорошенький!

Я в ужас пришёл, вижу, что совсем баба рехнулась, и не знаю, чего теперь делать-то. А тут как раз околоточный стучит в ворота, а с ним доктор Иноземцев. Оказывается, украла Сима этого младенца у Иноземцевых. Спал он в саду в колыбельке, а нянька отлучилась на минутку. Вот Серафима и утащила его, она ж там все ходы-выходы знает. Видели её соседи возле дома, они и сказали это, как поиски-то начались.

Она, когда в госпитале-то лечилась, с доктором там встретилась и узнала, что Любовь Васильевна недавно сына родила. Говорят, после той давней истории, когда он Любу спасать

кинулся, большой был у них в семье скандал. Хозяйка долго бранилась, грозила мужа из дома выгнать. Вот доктор-то и присмирел, примерным, говорят, семьянином стал. Да так расстался, что она ему ещё двух деток родила. Старшие-то сыновья в столицу учиться подались, и девчущке, у которой Люба нянькой была, уже лет десять минуло. И вот теперь ещё два маленьких парнишечки у них. Один-то уже годков шести-семи будет, а другой только родился. Ходил я к Петру-то Яковлевичу, просил за Симу, чтоб простили они её, в тюрьму не сажали. Говорю, что не в себе баба после родов-то, чтоб снисхождение имели. Ничего они мне не ответили. А на другой день арестовали Серафиму по подозрению в убийстве бабки-повитухи. Ума не приложу, когда она успела. Да и она ли это. Мне бы тогда отпуск испросить да подле неё побыть, пока она отойдёт. Но кто ж знал, что так будет?! Забрали Симу, только до суда она не дожидается. Порешила себя. Так я вдовцом и остался.

Любаша сидела, потрясённая услышанным. В глазах её стояли слёзы. И Василий скорбно молчал. Им вдруг стало как-то неловко перед Николаем за своё плещущее через край счастье. В их жизни тоже много чего случилось за эти годы, но теперь-то всё наладилось. А он, бедняга, всё потерял. Люба заметила, что Николай и на лицо осунулся, и виски слегка подёрнулись сединой. А ведь ему всего-то лет тридцать. Да, побила жизнь мужика. Затянулось неловкое молчание. В это время поезд уже подъезжал к Тагильскому заводу, и Николай стал прощаться с друзьями. Василий пригласил его заходить в гости, коли будет в Екатеринбурге, и сказал свой адрес, тот в ответ назвал свой. Вдруг да пригодится. С платформы Николай помахал рукой и удалился.

– Жаль парня, – проговорила Маруся. – Потрепала его жизнь.

– Да, – подхватила Люба, – а ведь я чуть, было, не вышла за него.

– А «чуть» не считается! – уверенно ответила Маруся. – Все мы под Богом ходим, как он решит, так и станется. Не дал он вам с Николкой-то пожениться, потому как не твоё это. Стало быть, надобно было своего дожидаться, вот ты и дождалась.

Любаша кивнула в задумчивости. Она думала о Серафиме. Вспоминала, как познакомилась с ней в доме Иноземцевых, как Сима выхаживала её, больную, как была добра к ней. Словно прочитав её мысли, Маруся добавила:

– Странная она была. Вспомни, как она мне угрожала раскрыть Тимохе правду об отце, как денег на приданое требовала.

Люба молча кивнула.

– Вот уж поистине простота хуже воровства, – заключила Маруся.

– Интересное существо человек, – вступил в их разговор Василий. – И чего только в нём не намешано. И добра, и зла хватает. Вот Николай, например, он же хороший, правильный мужик, а Любашу в своё время очернил перед заводскими. Я тогда сильно зол был на него. А сейчас смотрю на всё с высоты пережитого и готов поверить, что случайно это у него вышло. Да и жизнь так распорядилась, что обида-то моя давно угасла. Встретил вот его теперь и рад этому.

– А мне его жаль, – проговорила Любаша. – Такое чувство осталось, будто это я ему жизнь поломала.

– Ну, что ты, в самом деле, Люба! – возразила Маруся. – Я ж тебе только что сказала, что всем Господь располагает. По его воле всё в мире происходит. Значит, судьба у Николая такая, и ничего тут не поделаешь!

Люба кивнула и обратила свой взор в окно.

– Ой, смотрите, это же Пётр Яковлевич! – воскликнула вдруг она, показывая на худощавого мужчину с небольшим саквояжем, шедшего по платформе.

– Какой Пётр Яковлевич? – в голос спросили Василий и Маруся.

– Да доктор же! Иноземцев! О котором Николай только что говорил.

Вскоре доктор появился в вагоне. Он слегка кивнул, проходя мимо, потом вновь повернулся, остановив взгляд на Любаше, которая в этот миг смотрела на него. Задумался на мгновение и, сделав вид, что не узнал Любу, прошёл мимо.

Глава 13

Ася затосковала, расставшись с сестрой и племянниками. Пока они были тут, она всё время была чем-то занята и не так скучала по Данилу. Но стоило им уехать, как тоска накрыла её своим крылом. И сколько бы Нюта ни старалась растормошить сестрицу, ничего не помогало. «Суженый мой, ряженный, явись ко мне...» – шептала она, засыпая, в надежде, что хотя бы во сне встретится с парнем. Но всё было тщетно.

Объявился он неожиданно, когда Ася с Нютой на реке рубахи полоскали. Подошёл неслышно сзади и говорит:

– Доброго здоровьица вам, красны девицы!

Ася чуть в воду не свалилась, услышав его голос. Оказалось, что он приехал специально с ней повидаться да попутно решить кое-что. И сразу же вернётся, дела у него там срочные. Ася недоумевала, какие у него там могут быть дела, если она тут по нему тоскует? У неё была к нему куча вопросов, и первый из них – почему он так стремительно исчез, даже не попрощавшись? Сели они на берегу и повели свой разговор.

– Когда я рассказал дядюшке, что хочу жениться и остаться тут жить, то понял, что ему это не очень понравилось, – начал Данило свой рассказ. – Он выговорил мне, что свадьбу без денег не гуляют. Не за счёт же невесты стол-то делать. Зазорно это. Да ещё и пристыдил, негоже, мол, голодранцу свататься идти, мужик должен твёрдо на ногах стоять. Подумал я, подумал, да и согласился с ним. Рассказал он мне ещё, что у моего отца было припрятано золотишко. У нас ведь там, в округе, золото постоянно моют. И отец одно время со старателями работал. Вот дядька и убедил меня, что у тятеньки на чёрный день запас был. Дескать, поезжай, ищи. Настал твой чёрный день, пусть отцова добыча теперь тебе службу сослужит. В огороде копай, под сгоревшей избой попытай счастья, весь двор перерой, но найди. А я ведь уже всё там перетряс, когда головешки разбирал. Но дядька так настойчиво убеждал меня, что я поехал. Сделал себе землянку на нашем подворье, собрал кое-какую утварь, уцелевшую от огня, вот и обустроился. Несколько дней занимался поисками, но тщетно. И вот однажды ко мне пришла матушка. Я аж остолбенел, когда увидел её. Оказывается, не погибла она, обгорела, правда, сильно, пока добро наше спасала. Люди добрые подобрали матушку, вылечили, выходили. Приходила она уже сюда, но меня в ту пору не было, и она не знала, жив ли я. Сидим мы с ней, обнявшись и плачем вдвоём. Я ей про отца рассказал, как погиб он под обломками горящей избы. Потом матушка мне про золото и поведала. Оказывается, она в тот день мешочек-то с золотым песком перепрятала, под рябиной его закопала. А рябина та стоит в дальнем углу огорода, обгоревшая, чёрная, лишь несколько веточек оживших зелёными листиками покрылись. Достали мы тогда наше сокровище в мешочке из тонкой кожи, и говорит мне матушка, что на эти деньги мы избу новую ставить будем. Я пытался отговорить её, хотел к сёстрам увезти, а она упёрлась и ни в какую. Хочу, дескать, жить тут и нигде более. Деваться некуда, начал я строительство. А сейчас весь завод строится, много погорельцев-то, рабочих рук свободных не найдёшь, вот и приходится почти всё самому делать. Зятя, правда, приезжали, помогли сруб скатать. Отправил я матушку пока к сёстрам, в Быньговский завод, хочу до холодов успеть крышу на сруб поставить. Вот приехал печника тут нанять, у нас на них спрос большой, не переждать очереди будет. Сговорился уже с одним, сегодня еду обратно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.